РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЬМОЙ.

1890.

Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1890.

АХАЛЪ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

I.

Раннею весною 1880 г. предполагавшійся разрывъ съ Китаемъ изъ-за Кульджи и дерзкое нападеніе китайцевъ вызвали экстренное движеніе туркестанскихъ войскъ на китайскую границу, подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками, генералъ-адъютанта Кауфмана.

Наша туркестанская стрѣлковая бригада полностію вошла въ составъ дѣйствующихъ войскъ, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира, полковника Куропаткина.

Когда мы выходили изъ Ташкента, въ воздухѣ еще чувствовалась прохладная свѣжесть и ароматъ цвѣтущихъ садовъ. Всѣ степи были покрыты яркою, молодою зеленью и издали казались сплошнымъ, роскошнымъ ковромъ, усѣяннымъ множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

Масса всякой дичи наполняетъ степи въ это время года; во время переходовъ многіе охотились и, кромѣ пріятнаго развлеченія, приносили пользу, добавляя вкусную дичь къ нашему походному столу. Степное киргизское населеніе всюду, на ночлегахъ, заботливо приготовляло для войскъ юрты, сѣно, скотъ и топливо, получая за все по справочной цѣнѣ, и устраивало переправы черезъ бушующія весною степныя рѣки и рѣчки.

Войска шли по-эшелонно съ дневками, но вскорѣ, по полученіи свѣдѣній изъ Кульджи о томъ, что китайцы наступаютъ большими массами,—мы прибавили ходу и, несмотря на начавшіяся съ половины пути уже сильныя жары, скоро и привычно одолѣли 1200-верстное степное пространство между Ташкентомъ и Кульджей.

Начиная съ границы Ауліатинскаго уѣзда, деревни *Кара-Балты*, мы проходили благодатнымъ Семирѣченскимъ краемъ черезъ цвѣтущія русскія поселенія. Большинство переселенцевъ малороссы, цѣликомъ перенесшіе свою далекую, покинутую родину; хаты, крытыя камышемъ, плетневые заборы, колодцы съ журавлемъ и колоды пчелъ въ цвѣтущихъ молодыхъ садикахъ,—все напоминаетъ здѣсь Полтавскую и Черниговскую губерніи. Нѣкоторые изъ переселенцевъ, 10—15 лѣтъ тому назадъ, пришли сюда съ парою воловъ, питаясь по дорогѣ Христовымъ именемъ, а въ настоящее время всѣ живутъ хорошо; другіе за это время достигли уже богатства и живутъ теперь въ Вѣрномъ, занимаясь торговлею.

Городъ Вѣрный, живописно расположенный у подошвы Алматинскаго хребта, по обоимъ берегамъ горной рѣчки Алматинки, широко и свободно раскинувшійся между садами, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ чисторускимъ населеніемъ и деревянными постройками съ каменными церквами, общественными зданіями и хорошимъ гостиннымъ дворомъ.

20 лѣтъ тому назадъ здѣсь кочевали лишь киргизы, номинальные подданные кокандскаго хана, и была голая степь; а теперь, благодаря неутомимой энергіи перваго русскаго піонера и администратора, возникъ цвѣтущій городъ, и быстро разростаются съ каждымъ годомъ русскія поселенія, созданныя его неусыпными трудами и заботами.

За р. Или характеръ края уже измѣняется и становится болѣе пустыннымъ; перейдя рѣку Хорюссъ, мы вступили уже въ кульджинскіе предѣлы. На каждомъ шагу встрѣчаются цѣлые разрушенные города и обширныя селенія, фермы, заброшенныя поля и сады, сухія оросительныя канавы и полузасохшіе, искусственно разведенные, лѣса,—все здѣсь свидѣтельствуетъ о неутомимомъ трудолюбіи и искусствѣ китайцевъ, и только массы могилъ, да всюду разбросанныя человѣческія кости напоминаютъ о недавней кровавой борьбѣ китайцевъ съ мусульманами, превратившей этотъ роскошный край въ развалины. Города: Чинчахадзи, Суйдунъ и самая Кульджа съ окрестностями густо заселены; каждый удобный клочекъ земли тщательно обработанъ съ истинно китайскимъ трудолюбіемъ. Большинство земледѣльцевъ обработываетъ землю подъ посѣвы маковыхъ плантацій, вслѣдствіе высокой цѣны на опіумъ. Главное населеніе названныхъ пунктовъ составляютъ: таран-

чи, дунгане и малое число пришлыхъ китайцевъ. Дунгане, хотя ярые мусульмане по религіи и заклятые враги китайцевъ, но во всемъ остальномъ, т. е.—образѣ жизни, пищѣ, одеждѣ, трудолюбіи и земледѣліи—тѣ же китайцы, съ тою только разницею, что они не курятъ опіума, отчего отличаются замѣчательно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и здоровьемъ.

Разводимый здѣсь скотъ и лошади отличаются хорошей породой, очень крупны и красивы.

Всѣ мы усердно знакомились съ новымъ еще для насъ краемъ.

Китайскія жилища, сады, храмы, лавки, бани, театры, образъ жизни туземцевъ и ихъ обычаи составляли для насъ неисчерпаемый интересъ по своей новизнѣ и оригинальности; все обращало наше вниманіе, начиная съ курильщиковъ опіума въ какой-нибудь лавченкѣ, уличнаго фокусника и кончая китайскимъ ресторанomъ, гдѣ за рубль намъ подавали аристократическій обѣдъ въ 50 блюдъ, т. е. ложекъ разнаго кушанья и приправъ, разложенныхъ въ отдѣльныя чашечки и блюдца.

Кульджинскій край составляетъ уже уголокъ Китая.

По приходѣ въ Кульджу, мы были встрѣчены командующимъ войсками и, переночевавъ подъ городомъ, на другой день выступили на урочище „Мазаръ", гдѣ и стали лагеремъ въ 25 верстахъ отъ Кульджи. Тотчасъ же по нашемъ приходѣ, генералъ Кауфманъ поручилъ полковнику Куропаткину охрану и оборону Борохорскаго горнаго хребта, составляющаго нашу естественную границу съ Китаемъ. Правый флангъ этой позиціи составлялъ Ачальскій горный проходъ и дорога изъ Кульджи въ долину рѣки Баратолы-Шихо, защищаемый отрядомъ полковника Попова изъ 6-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ и двухъ горныхъ орудій; лѣвый же флангъ былъ Талкинскій перевалъ черезъ Борохорскій хребетъ съ проходящею черезъ него большою Императорскою дорогою, его оборонялъ отдѣльный отрядъ полковника Плотникова изъ 6-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ и 4-хъ орудій, расположенный въ живописной долинѣ на берегу озера Сайромъ-нора, второстепенные горные проходы занимали казачьи части, какъ для обороны этихъ пунктовъ и связи частей войскъ между собою, такъ и для освѣщенія разъѣздами всего занятаго раіона обороны.

Ближайшимъ резервомъ праваго фланга служилъ кавале-

рійскій лагерь на урочищѣ Тура-Су, — прелестной горной долинѣ съ богатымъ подножнымъ кормомъ. Общимъ же и главнымъ резервомъ былъ лагерь войскъ на урочищѣ Мазарѣ. Всѣ означенныя войска были подчинены полковнику Куропаткину и составляли сѣверный авангардъ дѣйствующихъ въ Кульджѣ войскъ. Среди описаннаго участка обороны нашей границы всюду закипѣла дѣятельная работа. Куропаткинъ по суткамъ не сходилъ съ лошади и требовалъ того же отъ другихъ. Борохорскій хребетъ довольно крутъ, скалистъ и покрытъ хвойными лѣсами. Съ большимъ трудомъ прокладывались тропинки и разработывались дороги для прохода артиллеріи и обозовъ. Въ проходахъ спѣшно возводили укрѣпленія, дѣлали каменные завалы, рыли траншеи, промежуточные посты укрѣплялись. Топографы и особые офицеры снимали инструментально занятую мѣстность.

Подъ видомъ переговоровъ о пограничныхъ дѣлахъ изъ войскъ сѣвернаго авангарда было командировано разновременно къ китайскому командующему войсками и генералъ-губернатору Дзинъ Дзяню-Дзюню въ г. Шихо нѣсколько офицеровъ, доставившихъ подробныя свѣдѣнія о непріятелѣ, съемки и подробное описаніе пройденнаго пространства (400 верстъ по китайской территоріи), планы укрѣпленій, о числѣ войскъ, о ихъ снаряженіи, вооруженіи и довольствіи.

Послѣ перваго же столкновенія одного изъ нашихъ разъѣздовъ съ китайскою кавалеріей въ долинѣ Кизимчика, наши посты передвинулись впередъ и заняли самую долину, весьма важную для насъ, такъ какъ занятіе ея дало намъ возможность наблюдать всю долину р. Баратолы-Шихо, передвигать, въ случаѣ надобности, по Кизимчику свои войска, и защищать находящіяся здѣсь зимовки нашихъ подданныхъ киргизъ-байджигитовъ отъ грабежа китайскихъ властей.

Устроивъ войска на занятыхъ ими позиціяхъ и тщательно укрѣпивъ всѣ горные проходы и ихъ возможные обходы, Куропаткинъ дѣятельно принялся за тактическую подготовку ввѣренныхъ ему войскъ; производились маневры съ боевою стрѣльбою, атака и оборона позицій. Кавалерія упражнялась въ примѣрныхъ партизанскихъ дѣйствіяхъ и развѣдывательной службѣ. Люди ротъ пріучались подниматься на гребни горъ для будущей практики. Черезъ полтора мѣсяца усиленнаго труда, обороняемая позиція сѣвернаго авангарда, имѣя въ тылу прекрасно-разработанную колесную дорогу на Кульджу

и хорошее сообщеніе между собою, сдѣлалась грозною и недоступною даже и не для китайцевъ.

Мы были вполнѣ готовы защищать Кульджу отъ китайской саранчи, но китайцы во-время опомнились и притихли. Въ дальнѣйшихъ приготовленіяхъ прошло все лѣто и часть осени.

Въ это время далеко отъ Китая, въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ, генералъ Скобелевъ, назначенный командующимъ войсками въ Туркменіи, занялъ Бами, куда дѣятельно стягивалъ части своего отряда, и собиралъ продовольствіе и снаряженіе, готовясь нанести оттуда рѣшительный ударъ текинцамъ.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ переписывался съ генераломъ Кауфманомъ о привлеченіи части войскъ Аму-Дарьинскаго отдѣла къ участію въ Ахалъ-Текинской экспедиціи. Съ самаго своего назначенія—Скобелевъ былъ въ оживленной перепискѣ съ Куропаткинымъ по всѣмъ вопросамъ предстоящей экспедиціи, о всемъ чрезвычайномъ сообщалъ ему телеграммами и усиленно просилъ Кауфмана о назначеніи начальникомъ Туркестанскаго отряда Куропаткина, котораго Кауфманъ не хотѣлъ отпустить отъ себя, въ виду предстоявшаго столкновенія съ Китаемъ.

Скобелевъ, между прочимъ, писалъ Кауфману о Куропаткинѣ: „Ему одному можно довѣрить такое рискованное движеніе отъ Измукшира до Кизилъ-Арвата: ибо этотъ походъ *насколько желательный*, настолько серьезный“, и, затѣмъ, далѣе, развивая свою мысль въ этомъ же письмѣ, высказываетъ, что движеніе Туркестанскаго отряда съ береговъ Аму-Дарьи въ оазисъ будетъ крайне полезно, въ видахъ популяризаціи степи и поднятія нашего престижа среди сосѣднихъ азіатскихъ государствъ и также, какъ доказательство, что Россія все можетъ сплотить и объединить, когда обстоятельства того потребуютъ, причемъ считалъ присутствіе Куропаткина „*крайне полезнымъ и необходимымъ для предстоящаго разграниченія съ Персіей и для обсужденія основныхъ началъ организаціи края*“. Вслѣдствіе чего Высочайше повелѣно было назначить отрядъ изъ туркестанскихъ войскъ, и ему было предписано явиться въ Ташкентъ и затѣмъ отправиться для принятія отряда въ Петро-Александровскъ, гдѣ и быть около 10 ноября.

Быстро сформировавъ на мѣстѣ свой маленькій штабъ и приказавъ ему спѣшить въ сборный пунктъ г. Джизакъ, Куропаткинъ отправился въ Ташкентъ, откуда, по полученіи

инструкцій отъ генерала Кауфмана, выѣхалъ въ Джизакъ, гдѣ уже собрались съ китайской границы чины его штаба.

Двое сутокъ, проведенныхъ нами въ Джизакѣ, прошли въ самыхъ оживленныхъ сборахъ въ дорогу; лошадей купили, какія нашлись, имѣя въ виду пріобрѣсти хорошихъ уже по дорогѣ въ Хивинскомъ ханствѣ.

Рано утромъ, 24 октября, нашъ маленькій караванъ выступилъ изъ Джизака въ сопровожденіи 12-ти верблюдовъ, несшихъ фуражъ, провіантъ, водо-подъемныя средства, палатки и офицерскія вещи; нашъ конвой составляли 8 сибирскихъ казаковъ и нѣсколько ловкихъ джигитовъ.

Мы шли въ Петро-Александровскъ на Аму черезъ пустыню Кизилъ-Кумъ (красные пески), тѣмъ самымъ путемъ, какимъ слѣдовалъ Туркестанскій отрядъ въ Хивинскій походъ 1873 года.

Погода намъ благопріятствовала; стояла прекрасная, ясная осень съ холодными ночами и утрами. Каждый день, вставъ съ зарею и наскоро проглотивъ свой чай, мы садились на лошадей и по дорогѣ обгоняли верблюдовъ, уходившихъ съ ночлега гораздо раньше; приблизительно на половинѣ пути завтракали холодною закускою съ прибавкою чая,—гдѣ была вода, а затѣмъ уже двигались далѣе съ такимъ разсчетомъ, чтобы еще за-свѣтло прибыть на ночлегъ, гдѣ, не разбивая палатокъ и закрывшись кошмами, засыпали до другаго утра. Нашъ докторъ только въ Джизакѣ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, а потому бѣдняжка страдалъ невыносимо и чувствовалъ себя по приходѣ на ночлегъ разбитымъ. Другой молодой человѣкъ (изъ стрѣлковъ), желая щегольнуть, купилъ себѣ красиваго, рьянаго жеребца; который ежеминутно ржалъ, становился на дыбы, рвался на поводахъ, наровилъ сбросить, укусить своего владѣльца, и билъ задомъ всѣхъ случайныхъ сосѣдей; вслѣдствіе чего юный наѣздникъ все время пути принужденъ былъ ѣхать въ невольномъ одиночествѣ.

Въ первыхъ переходахъ движеніе неправильно, но потомъ все мало-по-малу приходитъ въ строгій порядокъ: люди, лошади и верблюды втягиваются въ походъ, все дѣлается въ назначенное время какъ-то само собой и входитъ уже въ привычку.

Нашъ маленькій штабъ былъ богатъ разнообразными типами и характерами: тутъ были и серьезные не улыбающіеся дѣльцы, знатоки азіатскихъ нарѣчій и мѣстныхъ обычаевъ,

наѣздники, охотники, потомки малороссійскихъ гетмановъ и новгородскихъ посадниковъ, но всѣ одинаково были способны къ труду и работѣ, молоды, энергичны и весело смотрѣли въ глаза будущему.

На границахъ бухарскихъ владѣній, по приказанію эмира, начальника отряда встрѣтилъ самъ Нуратинскій бекъ (губернаторъ) въ полномъ парадѣ, со свитою въ раззолоченныхъ халатахъ и убранныхъ золотомъ аргамакахъ.

Среди безжизненной пустыни, въ 80 верстахъ отъ первыхъ поселеній, былъ раскинутъ бухарцами цѣлый лагерь изъ зеленыхъ палатокъ и юртъ, устланныхъ коврами.

Въ огромной шелковой палаткѣ насъ ждалъ уже столъ, уставленный горячими кушаньями съ безчисленнымъ множествомъ фруктовъ и сластей. Представители бухарскаго эмира, жеманно растопыривъ свои пышные халаты, сыпали цвѣты персидскаго краснорѣчія, объясняя намъ, что *Дженаби-Алги-Эмиръ* (мусульманскій титулъ эмира) строго приказалъ имъ заботиться о благополучіи своихъ дорогихъ гостей, такъ какъ Россія и Бухара издавна составляютъ одно цѣлое и нераздѣльное государство, связанное узами тѣсной дружбы; „Ики Давлетъ, биръ Давлетъ“ (два государства, одно государство), постоянно твердили бухарскіе сановники, изображая, посредствомъ наложенныхъ одинъ на другой согнутыхъ указательныхъ пальцевъ, крѣпкую цѣпь неразрывной дружбы, связывающей Россію съ Бухарой, и, складывая затѣмъ уже выпрямленные указательные пальцы рядомъ, изображали Россію и Бухару, слившихся въ одно нераздѣльное государство. Подобныя встрѣчи и проводы продолжались все время нашего пути по бухарскимъ пустыннымъ предѣламъ; сначала это занимаетъ, но потомъ, соблюдающійся при этомъ восточный этикетъ стѣсняетъ и утомляетъ, а окружающій комфортъ и мишурная позолота бухарскихъ сановниковъ рѣжетъ глаза при сравненіи съ нашей простой военной обстановкой. Въ Халъ-Атинской пустынѣ насъ догналъ джигитъ изъ Самарканда съ письмомъ отъ генерала Иванова, увѣдомлявшаго, что большая партія конныхъ и пѣшихъ текинцевъ на верблюдахъ переправилась черезъ Аму-Дарью выше Питняка и въ данное время хозяйничаетъ среди нашихъ туркменъ праваго берега и кизилъ-кумскихъ киргизъ; вслѣдствіе чего далѣе мы пошли съ маленькими военными предосторожностями, высылая впередъ и назадъ по одному казаку и джигиту, изображавшихъ аван-

гардъ и арріергардъ, а въ боковыхъ разъѣздахъ ѣхало по одному джигиту съ каждой стороны. Мы держались по близости къ верблюдамъ. На ночь изъ верблюжьихъ тюковъ устраивался маленькій вагенбургъ, куда укладывали верблюдовъ; выставляли часовыхъ, а оружіе и патроны—на-готовѣ. Одинъ изъ офицеровъ назначался дежурнымъ и не спалъ всю ночь. Отъ Адамъ-Крылгана до озера Сардаба-Куля тянутся высокіе барханы чистаго сыпучаго песку. Этотъ путь никогда не забудутъ участники Хивинскаго похода.

Груды верблюжьихъ костей до сихъ поръ еще ясно обозначаютъ его направленіе. Здѣсь туркестанскій отрядъ потерялъ болѣе половины своихъ верблюдовъ.

Пришлось бросать экспедиціонныя вещи и часть провіанта; оставили только воду, которой было мало, патроны, сухари и часть крупы; сухарей за недостаткомъ давали только $^1/_4$ фунта; а воду маленькими порціями. Впереди была полная terra incognita; далеко ли, близко Аму-Дарья,—никто не могъ опредѣлить въ точности; разузнать было трудно: мѣстность впереди кишѣла непріятельской кавалеріей. По указанію одного киргиза завернули въ сторону на колодцы Алты-Кудукъ, надѣясь найти тамъ много воды, но ея оказалось недостаточно; между тѣмъ раскаленные лучи майскаго солнца томили людей, страдавшихъ невыносимо отъ жажды. Собрали военный совѣтъ; начальникъ штаба предложилъ отослать всѣхъ верблюдовъ и лошадей съ посудою и турсуками обратно на колодцы Адамъ-Крылганъ, откуда, наполнивъ все водою и напоивъ животныхъ, двигаться безостановочно впередъ, уничтоживъ всѣ лишнія вещи. Предложеніе его было принято, и мы ждали водяную колонну на Алты-Кудукъ. Это были тяжелые дни ожиданій; знаменитый партизанъ Садыкъ, все время разъѣзжавшій вокругъ, безпокоилъ верблюжій транспортъ и какъ вѣтеръ появлялся тамъ, гдѣ его не ждали.

Наконецъ колонна съ водою пришла благополучно. Передъ выступленіемъ сожгли всѣ вещи.

Начальство показывало примѣръ, офицеры и солдаты бросали на костры свое послѣднее платье, обувь и бѣлье; всякій остался только въ томъ, что было на немъ надѣто. Наконецъ проскользнувшій къ озеру Сардака-Кулю джигитъ привезъ съ него пучекъ зеленаго камыша. Надежда на близость воды поддерживала наши силы. Пошли впередъ, животныя поминутно падали, люди страдали отъ жажды, но мужественно переносили

свои муки и шли. Многіе офицеры, отдавъ своихъ лошадей слабымъ, сами шли пѣшкомъ. Кауфманъ любовался и гордился образцовымъ порядкомъ и дисциплиною, царствовавшими въ отрядѣ. Еще два тяжкихъ перехода, проведенныхъ въ борьбѣ съ природой и непрерывныхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, и рано утромъ 11-го мая туркестанскій отрядъ, двигаясь въ строгомъ боевомъ порядкѣ, окруженный массою непріятельской кавалеріи, увидалъ наконецъ передъ собою давно желанную Аму-Дарью. Всѣ забыли про существованіе непріятеля: цѣпь перестала стрѣлять; страстный взрывъ восторга охватилъ всѣхъ; радостный гулъ „вода! вода!“ стоялъ въ воздухѣ.

Нѣкоторые молились, другіе обнимались и цѣловали другъ друга; животныя и тѣ волновались и выказывали свое нетерпѣніе; лошади радостно ржали и рвались впередъ, верблюды мычали и кружились. Маститый старикъ, на маленькой лошади, въ сопровожденіи огромной свиты, объѣзжалъ стройно стоявшія войска и, снявъ свою фуражку, со слезами на глазахъ, именемъ Государя и Россіи, горячо благодарилъ ихъ за тяжелые труды и лишенія, поздравляя съ прибытіемъ на живую воду. Въ отвѣтъ на его слова могучее радостное, русское „ура“ впервые своими громкими раскатами огласило Хивинскую землю.

Кто изъ участниковъ похода не помнитъ этой трогательной минуты. Благодаря опытности Кауфмана и его начальника штаба, Хивинская экспедиція, къ удивленію и зависти Европы, довела свое дѣло до конца, и считавшееся невозможнымъ свершилось. Трое изъ насъ, бывшихъ участниковъ Хивинскаго похода, знакомили съ проходимою мѣстностью начальника отряда, дополняя ее своими разсказами.

Скоро на горизонтѣ показались Учь-Учакскіе холмы, и черезъ нѣсколько часовъ мы уже подъѣзжали къ заросшему камышемъ озеру Сардабъ-Кулю. Поднявшись на Учь-Учакскій чинкъ, передъ нашими глазами открылась красавица Аму-Дарья и далѣе на той сторонѣ рѣки вырисовывались темными пятнами Питнякскіе сады.

Выѣхавшій къ намъ навстрѣчу старикъ, бухарскій комендантъ крѣпостцы на Сардабъ-Кулѣ, разсказалъ, что два дня тому назадъ туркмены нападали на его крѣпость, но были отбиты и теперь бродятъ недалеко въ окрестностяхъ. Мы выслали по берегамъ озера свои разъѣзды, подтвердившіе слова коменданта, слѣды пребыванія шаекъ были еще очень свѣжи...

Устроивъ вагенбургъ изъ нашихъ тюковъ, мы провели ночь на Сардабъ-Кулѣ вполнѣ готовыми, имѣя оружіе на-готовѣ; но насъ никто не тревожилъ, и на другой день, сдѣлавъ большой переходъ по берегу Аму-Дарьи, мы прибыли на ночлегъ, гдѣ застали уже выставленныя юрты и пріѣхавшихъ почетныхъ туземцевъ мѣстнаго управленія, высланныхъ начальствомъ навстрѣчу начальника отряда. На утро сѣли въ высланные намъ экипажи; черезъ сутки, послѣ 14-ти дневнаго путешествія, мы прибыли въ Петро-Александровскъ, 8-го ноября, двумя днями раньше назначеннаго намъ срока.

II.

По занятіи нами Хивинскаго ханства въ 1873 году, весь правый берегъ Аму-Дарьи съ его населеніемъ отошелъ къ Россіи. Въ томъ же году Кауфманъ, въ своемъ присутствіи, недалеко отъ хивинскаго городка Шура-Ханы, въ 7-ми верстахъ отъ Аму-Дарьи, заложилъ укрѣпленіе Петро-Александровское, названное такъ въ честь русскихъ государей, начавшихъ и окончившихъ покореніе хивинскаго ханства. Туркестанскій отрядъ, оставивъ въ новомъ укрѣпленіи сильный гарнизонъ, возвратился домой. Вновь занятый край получилъ названіе Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Въ случаѣ нужды, высланный изъ Петро-Александровска отрядъ, переправившись у Ханка черезъ Аму-Дарью, на вторыя сутки можетъ быть подъ стѣнами г. Хивы. Такое угрожающее положеніе даетъ возможность совершенно свободно управлять оттуда всѣмъ ханствомъ и держать въ страхѣ безпокойное туркменское населеніе лѣваго берега.

Въ глинобитныхъ стѣнахъ крѣпости, съ глубокими рвами вокругъ, помѣщаются: домъ начальника отряда, казенныя зданія, маленькая церковь, склады, казармы и провіантскіе магазины. Изъ бывшаго ханскаго дворца передѣланъ домъ, занимаемый начальникомъ отдѣла. Въ крѣпость ведутъ широкія, красивыя ворота; вооруженіе крѣпости—старыя гладкоствольныя пушки и мортиры. Впереди крѣпости, кругомъ обширной площади, правильными рядами расположены русскія лавки и магазины. Большинство русскихъ торговцевъ изъ Перовска, Казалы и Оренбурга; виднѣются кой-гдѣ и характерные типы восточныхъ людей. За площадью широко раскинулась солдат-

ская слободка и офицерскіе домики. Въ сторонѣ на выѣздѣ по тамдинской дорогѣ въ линію вытянулись новыя казармы, защищающія слободку и форштатъ; возлѣ нихъ крытый камышемъ живой туземный базаръ съ солдатскими товарами, зеленью и живностью. Здѣсь всегда оживленно, толчется солдатскій и туземный людъ, продавая свои издѣлія.

Петро-александровцы живутъ дружно между собою, веселятся по простотѣ и отличаются радушіемъ и открытымъ гостепріимствомъ, свойственнымъ всѣмъ людямъ, живущимъ на далекихъ окраинахъ; у нихъ нѣтъ ни театровъ, ни выѣздовъ, ни баловъ; развлеченія ихъ состоятъ въ прогулкѣ, пикникахъ, изрѣдка въ поѣздкахъ на тотъ берегъ, катаньи на лодкахъ по рѣкѣ, охотѣ и рыбной ловлѣ. Нарочный почтарь киргизъ съ сумкою черезъ плечо *ики ат*ъ, т. е. съ запасною заводною лошадью, пріѣзжаетъ сюда изъ Перовска на 7-я сутки, имѣя при себѣ почту и газеты; денежная же почта посылается случаями. По пріѣздѣ мы нашли здѣсь полное оживленіе по случаю сборовъ отряда въ походѣ. Начальники частей, при содѣйствіи мѣстной администраціи, дѣятельно снаряжали назначенныя въ походѣ части; и надо отдать имъ полную справедливость, что не жалѣли никакихъ средствъ для того, чтобы основательно снарядить отрядъ въ экспедицію, туркестанцы не хотѣли ударить лицомъ въ грязь передъ кавказцами. За нѣкоторыми вещами, какъ на примѣръ турсуками (кожаные мѣшки), кожаными ведрами и шубами, пришлось посылать въ Бухару, такъ какъ въ хивинскомъ ханствѣ ихъ производство ничтожно.

Отрядъ, предназначаемый для участія въ Ахалъ-Текинской экспедиціи, состоялъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ(оренбургцевъ и уральцевъ) при двухъ горныхъ орудіяхъ и двухъ ракетныхъ станкахъ, всего 849 человѣкъ и 372 лошади. Патроновъ было взято по 240 на каждую винтовку и 2 комплекта артиллерійскихъ снарядовъ. Войска были заботливо снабжены всѣми предметами, необходимыми для зимняго, безводнаго степнаго перехода, при чемъ окончательное снаряженіе отряда должно было послѣдовать по приходѣ на колодцы Чагылъ. Обозъ отряда состоялъ изъ 900 верблюдовъ при 153 верблюдовожатыхъ; верблюды были взяты по наряду отъ населенія по 25 рублей въ мѣсяцъ, возчикамъ отпускалось все казенное содержаніе полностью и $4^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ жалованья. Для подкрѣпленія силъ слабыхъ верблюдовъ въ пустынныхъ мѣ-

стахъ были взяты верблюжьи консервы „Кунджура“ (выжимки изъ кунджутнаго масла).

На другой день 9-го ноября, мы дѣятельно начали приготовляться къ дальнему походу и закупали всѣ нужные намъ предметы; цѣны на все поднялись невѣроятныя, въ особенности трудно было достать хорошихъ лошадей.

Съ самаго ранняго утра Куропаткинъ лично принималъ и осматривалъ въ подробности каждаго верблюда, вѣрблюжьи сѣдла и арканы отъ уѣзднаго начальника уральца Чеботарева, требуя обязательно по 2 длинныхъ волосяныхъ аркана на каждое верблюжье сѣдло. „Верблюды-то плохи“ замѣчаетъ Куропаткинъ Чеботареву. „А вотъ этихъ, говоритъ онъ, указывая на забракованныхъ, и совсѣмъ взять нельзя: они никуда не годятся“.—„Этти?! Шохрани Богъ! помилуйте! Этта можна шкажать просто корабъ, а не верблюдъ! Ей Богу! извольте хоть шею минутою приказать вьючить, — пойдетъ куды угодно!... Конечно, они шичасъ только шъ штепе, маленечко пугаются, отъ этого вамъ такъ и показывается“. „Охъ! ужь и сколько я принялъ горя съ этими верблюдами, господа!“ горько вздыхая, обращается за сочувствіемъ Чеботаревъ къ окружающей публикѣ. „Конечно, любезный Фролъ Ѳедоровичъ, можетъ быть, ваши корабли и хороши, но намъ плыть на нихъ опасно, потрудитесь-ка намъ поскорѣе дать другихъ“, говоритъ ему Куропаткинъ, улыбаясь.—„Какъ вамъ угодно, въ шею минутою“, произноситъ сконфузившійся Фролъ и летитъ за новыми верблюдами (уральскій жаргонъ, *с* переходитъ въ *ш*, *з* въ *ж*).

На улицѣ передъ квартирою Куропаткина толпятся проводники-туркмены. Самъ Куропаткинъ сидитъ передъ развернутою картой и подробно экзаменуетъ кандидатовъ; если туркменъ можетъ на землѣ начертить схематически путь нашего отряда и подробно разсказать всѣ встрѣчающіеся по дорогѣ колодцы и урочища, а также мѣстность внутри Ахала, то это значитъ, что онъ дѣйствительно знакомъ съ этими мѣстами, и такой принимается проводникомъ. Нѣкоторые берутся только за хорошо извѣстный имъ путь и тутъ же, условившись въ цѣнѣ, получаютъ часть денегъ впередъ и распредѣляются въ части отряда.

Самый городъ въ это время изображалъ изъ себя сплошной базаръ и оживленную толчею. На площади верблюды и лаучи, (верблюдовожатые), коммиссіонеры-туземцы грудами возятъ шубы, халаты и кошмы; тамъ же разставляютъ, осматриваютъ

и принимаютъ новыя кибитки и юломейки; фигура Чеботарева на лошади мелькаетъ всюду и вездѣ, всѣ его тормошатъ, одному надо лошадь, другому сундуки, третій нуждается въ переводчикѣ, шустрый маленькій Фролъ, съ лицомъ, какъ свѣжее яблоко, поспѣваетъ всюду и вездѣ, на что способны одни только уральцы.

10-го ноября. Куропаткинъ вступилъ въ командованіе отрядомъ и дѣлаетъ ему подробный смотръ, послѣ чего пропускаетъ церемоніальнымъ маршемъ. Въ пѣхотѣ народъ крупный и здоровый; здѣсь только двѣ роты, а 3-я стрѣлковая—13-го баталіона, присоединится къ намъ по пути на колодцахъ Чаглы. Сотни дѣлаютъ нѣсколько построеній. Лошади у оренбургцевъ значительно хуже, а люди очень молоды, хотя снаряженіе все новое и безукоризненное, ихъ блузы изъ верблюжьяго сукна очень практичны. Уральская сотня — красавцы на подборъ, бороды окладистыя, народъ крупный и плечистый, всѣ смотрятъ атаманами, лошади имъ подъ стать, такія же крупныя и гладкія, какъ сами хозяева, въ сотнѣ много георгіевскихъ кавалеровъ за прошлую турецкую войну. Послѣ осмотра мы были представлены начальнику отдѣла.

Полковникъ Гротенгельмъ—старый боевой офицеръ; севастопольскій служака во время Хивинскаго похода 1873 года командовалъ 2-мъ оренбургскимъ линейнымъ баталіономъ, откуда и былъ назначенъ на этотъ постъ. Онъ хорошо знаетъ Азію и туземцевъ и изъ Петро-Александровска зорко слѣдитъ за всѣмъ ханствомъ. Хивинскіе сановники боятся, какъ огня, русскаго Музафатъ-Хакима (областнаго начальника), и каждое его слово принимаютъ за законъ. Хивинскій ханъ въ важныхъ дѣлахъ ничего не дѣлаетъ безъ его совѣта.

Сегодня отъ Скобелева получена телеграмма, увѣдомляющая, что онъ насъ ждетъ къ началу военныхъ дѣйствій; въ отвѣтъ ему сейчасъ же посылается донесеніе о томъ, что мы выступаемъ 12-го ноября.

По случаю отхода отряда у начальника отдѣла прощальный вечеръ. Въ просторныхъ комнатахъ, передѣланныхъ изъ бывшаго ханскаго дворца, собралось все небольшое петро-александровское общество; вечеръ прошелъ чрезвычайно оживленно и весело, благодаря широкому гостепріимству и радушію хозяевъ. Мы теперь надолго прощаемся съ осѣдлою жизнью; отнынѣ мы станемъ номадами; за позднимъ ужиномъ, послѣ оффиціальныхъ здравицъ, полились горячія, задушевныя слова;

насъ провожали съ надеждою на успѣхъ отряда, и остающіеся отъ души сожалѣли, что не могутъ идти вмѣстѣ съ нами. Холоднымъ раннимъ утромъ 12-го ноября петро-александровцы и остающіяся наличныя войска провожали выступающій отрядъ. На площади служили молебствіе, войска были выведены съ ружьями, знаменами, отдали честь отряду и прошли мимо другъ друга церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего отрядъ, свернувшись въ походную колонну, съ музыкою и пѣснями тронулся въ далекій путь. Все населеніе высыпало провожать уходящія войска; жены, дѣти и товарищи шли вмѣстѣ до самаго ночлега. Провожающіе землячки и друзья шли рядомъ, усердно угощая водочкой себя и земляковъ; у многихъ въ видѣ резерва, изъ кармановъ шароваръ торчали горлышки бутылокъ.—„Прощайте, тетушка Ивановна! не поминайте лихомъ!“ кричалъ запѣвало головной роты—бравый ефрейторъ высокой бабѣ, стоявшей возлѣ кабачка; и затѣмъ вдругъ, откашлявшись и тряхнувъ головой, молодецки затянулъ съ колѣнцами любимую Скобелевымъ пѣсню.

Хоръ, гремя и шумя бубнами, зычно подхватываетъ слова.

— Смотри, Митрій, подай оттудова вѣсточку-то, говоритъ молодая баба солдатику, отирая передникомъ заплаканные глаза; наши вечоръ сказывали, будто васъ вонъ и вовсе угонятъ на Кавказъ; охъ! пропала моя бѣдная головушка! громко причитаетъ баба.

— Ну будетъ врать-то, не плачь, утѣшаетъ ее мужъ; всѣ идутъ... „Желаемъ вамъ, Иванъ Петровичъ, чтобы, значитъ, безпремѣнно Егорія заслужить и въ добромъ здравіи назадъ къ намъ оборотиться“, напутствуетъ солдатикъ ундера и тянется съ нимъ цѣловаться. Слышится гармоника, бабій плачъ, и какой-то острякъ, выплясывая, подпѣваетъ куплеты своего произведенія, вызывающіе громкій хохотъ.

Съ Дарьи дуетъ леденящій, рѣзкій вѣтеръ; плохо навьюченные верблюды скользятъ и поминутно падаютъ; назначенные къ верблюдамъ люди еще не умѣютъ съ ними обращаться,—верблюдъ сталъ, одинъ солдатикъ тянетъ его за поводъ и рветъ ему ноздри; другой колотитъ палкой, поводъ лопается, верблюдъ бѣжитъ въ сторону, и вьюкъ падаетъ на землю. Пѣхота и артиллерія ночуютъ сегодня въ уральскомъ поселкѣ въ 17-ти верстахъ отъ Петро-Александровска, съ населеніемъ изъ ссыльныхъ уральцевъ, кроткимъ и трудолюбивымъ народомъ, занимающимся охотою, рыбною ловлею и наймомъ въ

прислугу, многіе изъ нихъ все время постятся и не ѣдятъ ничего кромѣ хлѣба, фруктовъ и овощей. Шахъ Аббасъ-Вали маленькій городокъ, населенный узбеками, внутри старая крѣпость съ водяными рвами, есть небольшой базарчикъ. Пройдя для начала 32 версты, мы съ кавалеріею стали на ночлегъ въ разставленныхъ для насъ юртахъ на площади возлѣ крѣпости; здѣсь застали Гротенгельма съ Чеботаревымъ, они провожаютъ отрядъ до первыхъ колодцевъ.

(Утро) 13 ноября. Холодъ, пронзительный вѣтеръ, сбивающій положительно съ ногъ. Кавалерія ушла впередъ на Бійбазарскую переправу; пропустивъ мимо себя пѣхоту и обозы, начальникъ отряда догоняетъ кавалерію; на пути большое узбекское селеніе *Бій-базаръ*, отъ котораго до переправы черезъ Аму-Дарью 4 версты, въ этомъ мѣстѣ рѣка достигаетъ болѣе 400 саженъ ширины. Тотчасъ же начали переправу на 4 большихъ хивинскихъ каюкахъ. Хивинскій каюкъ длинная и узкая, первобытная, плоскодонная лодка-барка, сколоченная изъ грубо-обтесанныхъ брусьевъ; вмѣсто руля служитъ лопата на длинной ручкѣ, на меляхъ же хивинскіе каюкчи (лодочники) отпихиваются длинными шестами. Каюкъ не уклюжъ и не поворотливъ, вслѣдствіе чего его сильно сноситъ теченіемъ внизъ и если хотятъ попасть къ извѣстному мѣсту противоположнаго берега, то съ этой стороны надо завести каюкъ гораздо выше. Такой большой каюкъ можетъ поднять человѣкъ 25 казаковъ съ ихъ вьюками и лошадьми и человѣкъ до 50-ти пѣхоты. На обоихъ берегахъ у пристаней были назначены дежурные офицеры для наблюденія за порядкомъ. Къ вечеру было прислано еще 10 каюковъ, но наступившая темная, мглистая ночь мѣшала работѣ, почему для скорѣйшей переправы Куропаткинъ приказалъ зажечь огромные костры на обоихъ берегахъ рѣки, и ихъ яркое пламя освѣщало всю переправу до утра. Чеботаревъ нагналъ массу рабочихъ изъ Бійбазара и съ хивинскаго берега. Все начальство не смыкало глазъ въ эту ночь и оставалось на ногахъ. Шустрый маленькій Фролъ (такъ называется у уральцевъ и въ обществѣ Чеботаревъ, въ отличіе отъ другихъ Чеботаревыхъ, которыхъ много) выбивается изъ силъ съ лѣнивыми рабочими. Для устройства сходень на каюки онъ притащилъ сюда огромныя ворота съ какого-то каравань-сарая и снялъ двери и доски съ ближайшихъ селеній; весь забрызганный грязью, мокрый съ головы до ногъ, съ нагайкою въ рукахъ, онъ, какъ шарикъ,

катается въ толпѣ рабочихъ; звонкій голосъ его слышится повсюду. „Гельтыръ тахта тизрекъ!“ (скорѣе неси доску), „тартъ, тартъ“ (тащи, тащи!) „Кутаръ биргэ!“ (поднимай вмѣстѣ!) „Ата-наузымъ сыгеймъ, поштрѣли тѣ въ бороду! Шайтанъ!“ восклицаетъ сердитый Фролъ. Затѣмъ слѣдуютъ шлепки (называемые имъ фантиками) раздаваемыхъ имъ милостей. „Ой бой, уй-бой, ой бой!“ визжитъ чей-то жалобный голосъ, и работа быстро продолжается. Всю ночь не умолкаемый гулъ отъ рева верблюдовъ и человѣческихъ голосовъ — стоялъ надъ фантастически-освѣщенной переправой. Крики и ругань туземцевъ вперемежку съ отечественною бранью висѣли въ воздухѣ и оглашали рѣчное пространство. Особенно трудно переправлять верблюдовъ. Иной—корабль пустыни—на доскѣ, изображающей сходки, начинаетъ вдругъ упрямиться и выкидывать затѣйливыя па, рветъ поводъ и падаетъ въ воду, другой ломаетъ ногу и реветъ раздирающимъ душу голосомъ; вся задержка происходитъ изъ-за нихъ; верблюды очень боятся каюковъ и не любятъ переправъ. Къ вечеру 14-го ноября всѣ части отряда уже переправились на тотъ берегъ. Куропаткинъ съ своимъ штабомъ переправился послѣднимъ, на томъ берегу его встрѣтилъ Кошъ-Беги хивинскаго хана (нѣчто въ родѣ министра двора), назначенный состоять при отрядѣ все время пребыванія его въ хивинскомъ ханствѣ; представлялся и здѣшній гурленскій Хакимъ, — симпатичный молодой узбекъ. Цивилизація, какъ видно, уже проникла и сюда: бекъ носитъ длинные русскіе лакированные сапоги, куритъ папиросы и не прочь отъ вина потихоньку отъ своей свиты. Съ данной минуты мы считаемся гостями хивинскаго хана, и все предлагается для отряда безплатно; но части за все уплачиваютъ деньги непосредственно самимъ хозяевамъ, что̀ не особенно пріятно хивинскимъ сановникамъ, потому что лишаетъ ихъ возможности нагрѣть себѣ руки на счетъ народа.

15-го ноября, на разсвѣтѣ, мы трогаемся далѣе впередъ по Ташъ-Хаузской дорогѣ. Пройдя песками 4 версты — снова вступаемъ въ богатую культурную страну, — тянутся непрерывные сады и обширныя поля, гдѣ всюду разбросаны отдѣльные узбекскіе курганчи съ высокими стѣнами и башнями, представляющія изъ себя маленькія крѣпостцы; въ нихъ живутъ жители по нѣскольку семей въ каждой. Оголенные, громадные развѣсистые карагачи своими густыми шапками

красиво выдѣляются на безоблачномъ, голубомъ осеннемъ небѣ. Вотъ передъ нами раскинулся маленькій городокъ Гурленъ съ базаромъ и крѣпостью; въ воротахъ виднѣются ряды жителей съ подносами хлѣба и фруктовъ. Гурленьскій бекъ, проскакавъ впередъ, слѣзъ возлѣ воротъ съ лошади и въ почтительной позѣ привѣтствуетъ начальника отряда; городское населеніе отъ мала до велика высыпало на крыши домовъ и, унизавъ стѣны, любовалось на нашъ отрядъ, проходившій мимо съ музыкою и пѣснями. За городомъ сейчасъ же лежитъ громаднѣйшее кладбище, отъ чего и городъ заимствовалъ свое названіе („*Гуръ*“ значитъ могила). Здѣсь оригинальный способъ хоронить покойниковъ. Грунтовая вода находится часто на $^1/_2$ аршина отъ земли, вслѣдствіе чего сначала на землѣ устраивается плоскій фундаментъ изъ дерева или жженаго кирпича, на который кладутъ тѣло, а сверху надъ нимъ выводятъ глухой, длинный сводъ изъ жженаго или сырцоваго кирпича; большинство сводовъ часто проваливаются, и лежащія въ нихъ кости обнажаются; немудрено, что такія кладбища служатъ здѣсь источниками всевозможныхъ заразъ и эпидемій.

Съ Гурленя мы пошли вмѣстѣ съ казаками. Дивизіонеръ уралецъ Гуляевъ, чтобы согрѣть лошадей, сторонкою по замерзшимъ полямъ на ходу продѣлываетъ ученье. Невыносимо холодный вѣтеръ заставилъ насъ слѣзть на нѣсколько минутъ погрѣться у ярко пылавшей колючки. „Развѣ мы, уральцы, прежде такіе были“—разсказывалъ самъ Гуляевъ—„не знали никакихъ чаевъ, палатокъ, обозъ-курджулы [1]) за сѣдломъ, а провіантъ, напекутъ бабы лепешекъ-какурокъ (бѣлые, пшеничные хлѣбцы съ запеченнымъ внутри яйцомъ)—вотъ тебѣ и все; отъ того и народъ-то прежде былъ легкій, сильный и здоровый, какъ сокола были уральцы!“ Старики разсказывали, какъ „нашъ атаманъ Нечай съ 4.000 уральцевъ пошелъ въ набѣгъ съ Урала о дву конь, да такъ съ налета и захватилъ Хиву; нѣсколько мѣсяцевъ казаки правили Хивой, ханъ былъ въ походѣ на Бухару, услышавъ, тотчасъ вернулся, пришлось отступать, добра съ собою набрали много, навьючились тяжело; а корысть-то и погубила, на взморьи догналъ ханъ со всей силой, самъ Нечай, всѣ старшины и казаки сложили тамъ свои головы, немногіе вернулись изъ плѣна и разсказали своимъ на Уралѣ“. Зашелъ разговоръ о войсковыхъ знаме-

[1]) Переметная сума.

нахъ и о введеніи у уральцевъ регулярнаго строя. „У насъ, разсказывалъ Гуляевъ объ уральцахъ, долго не могли пріучить казаковъ относиться къ знаменамъ, какъ къ святынѣ, на нихъ они смотрѣли, какъ на простые значки. Въ царствованіе Императора Павла въ Петербургѣ стоялъ очередной гвардейскій уральскій эскадронъ. На какомъ-то парадѣ стоятъ они скучные и понурые, а Павелъ всегда особенно благоволилъ къ уральцамъ; подъѣзжаетъ Государь, здоровается и, остановившись возлѣ нихъ, спрашиваетъ ихъ: „что скучны, казаки?“— „Да какъ же Ваше Царское Величество! сколько служимъ мы тебѣ вѣрой и правдой, а не жалуешь ты насъ знаменемъ“. Засмѣялся на это Государь, взялъ у преображенцевъ знамя, да и передалъ тутъ же уральцамъ, а въ прочіе полки были розданы особенныя знамена; но служба при нихъ велась до того плохо и небрежно, что однажды знаменной урядникъ при часовомъ, прельстившись добротной матеріей новаго знамени, споролъ его полотнище съ древка и тутъ же изъ него началъ себѣ шить шаровары и кацавейку... Въ 6-ти верстахъ за Гурленемъ на глубокомъ и широкомъ каналѣ *Клычь-ніазбой* отрядъ дѣлалъ 2-хъ часовой привалъ. Каналъ Клычь-ніазбой выведенъ изъ Аму-Дарьи и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ судоходныхъ артерій ханства. Онъ очень глубокъ и шириною 9 саженъ; черезъ него перекинутъ допотопный мостъ безъ перилъ, на деревянныхъ покачнувшихся сваяхъ; настилка моста сильно наклонена внизъ, и перекладины пляшутъ, какъ клавиши. Здѣсь мы поджидаемъ нашъ растянувшійся обозъ; владѣльцы верблюдовъ дали плохія сѣдла и арканы, все это теперь рвется и задерживаетъ движеніе; отсюда, по распоряженію начальника отряда, Кошъ-Беги посылаетъ въ Хиву за большимъ запасомъ волосяныхъ аркановъ, сѣделъ и подпруговъ, а также за кунджурою. (такъ называется чрезвычайно питательный верблюжій консервъ, выжимки отъ кунжутнаго масла, незамѣнимый въ пустынныхъ мѣстностяхъ, гдѣ надо поддержать слабыхъ верблюдовъ). Всѣ эти вещи прибудутъ къ намъ по нашемъ приходѣ на колодцы Чагылъ. Сегодня Куропаткинъ получилъ телеграмму отъ Кауфмана, что Скобелевъ послалъ на встрѣчу Туркестанскаго отряда хорунжаго кубанскаго войска Стеценко. Мы ночуемъ на арыкѣ Ярмышъ у маленькаго узбекскаго селенія Шейхъ-Кола; здѣсь уже заботливымъ Кошъ-Беги разставлены юрты, сложено топливо и фуражъ. Сегодня прошли всего 45

верстъ. Заведенъ правильный порядокъ: отрядъ на мѣстѣ бивуака выстраивается въ общее карре, передъ фасами каждой части верблюды сбрасываютъ свои вьюки и угоняются немедленно пастись подъ обороною казачьихъ постовъ и джигитовъ, на каждомъ фасѣ вьюки сложены и выровнены передъ юломейками; для охраненія лагеря выставляются казачьи и пѣхотные посты; на ночь верблюды вгоняются внутрь карре, а на зарѣ ихъ снова выгоняютъ въ поле покормиться и напоить предъ вьючкой. Отсюда уже сопровождаетъ отрядъ здѣшній Ташъ-Хаузскій Хакимъ (начальникъ уѣзда) Аппаръ-Бай, придурковатый человѣкъ; когда его о чемъ-нибудь спрашиваютъ, онъ сначала хватаетъ за полы двухъ своихъ совѣтниковъ, находящихся при немъ неотлучно, и пошептавшись съ ними, отвѣчаетъ на вопросъ; настоящимъ мѣстомъ обязанъ своему отцу Якубъ-Баю, бывшему ближайшимъ совѣтникомъ нынѣшняго хана.

16-го сентября. Утро ясное и хорошее, обозъ выступилъ впередъ въ 5 часовъ утра съ пѣхотою; кавалерія и начальникъ отряда—въ 7 часовъ. Гротенгельмъ съ своей свитой и Кошъ-Беги чуть свѣтъ уѣхали впередъ, Аппаръ-Бай опять насъ сопровождаетъ, но сегодня онъ еще хуже, чѣмъ вчера, такъ что Куропаткинъ долженъ былъ пригрозить ему, что онъ будетъ просить хана смѣнить его съ должности. Вскорѣ передъ нами открылись сады г. Тамъ-Хауза; отсюда уже начинаются туркменскія кочевья іомудовъ. Крѣпость Тамъ-Хаузъ (каменный прудъ) издавна построена здѣсь Хивинскими ханами, какъ оплотъ границы ханства отъ туркменскихъ набѣговъ. На огромныхъ насыпныхъ валахъ выведены высокія и толстыя глинобитныя стѣны съ зубцами и бойницами въ 3 яруса. Стѣна имѣетъ внутреннюю оборону по банкету, съ хорошо приспособленными крытыми траверсами. Въ крѣпость ведутъ 4 воротъ съ высокими башнями изъ жженаго кирпича; вокругъ стѣнъ глубокій ровъ съ вододѣйствіемъ; со стороны Измукшира, крѣпостную стѣну омываетъ каналъ Шаватъ, изъ котораго городъ и крѣпость пользуются водою; черезъ него перекинутъ допотопный деревянный мостъ безъ перилъ, еле держащійся на тоненькихъ сваяхъ. За каналомъ расположенъ огромный ханскій садъ, среди котораго возвышается въ видѣ башни 3-хъ-этажный лѣтній дворецъ хана въ персидскомъ вкусѣ. Городъ и базаръ помѣщаются внутри крѣпостной ограды, жилыя помѣщенія группируются въ особо-укрѣпленные кварталы, мо-

гущіе долго обороняться и по взятіи городской стѣны. Видно, что жители живутъ въ постоянной тревогѣ и всегда готовы встрѣтить враговъ. Населеніе города состоитъ изъ узбековъ съ малымъ числомъ торговыхъ туркменъ. Чтобы не путаться въ узкихъ улицахъ города, обозъ направился вдоль стѣнъ и вышелъ на дорогу; отрядъ же съ музыкою и пѣснями прошелъ черезъ городъ. У воротъ аксакалы города (бѣлобородые старики) поднесли Куропаткину досторханъ и пожелали добрый путь. Въ окрестностяхъ Ташъ-Хауза среди кочевій іомудовъ разводятся лучшія лошади въ ханствѣ; здѣсь многіе наши офицеры пріобрѣли себѣ хорошихъ лошадей у мѣстныхъ жителей по очень высокой цѣнѣ. Я купилъ у пріѣзжаго іомуда прекраснаго, сѣраго жеребца карабаира [1]) за 200 металлическихъ рублей. „Бекъ джаксы малъ“ (очень хорошее животное), ободрялъ мою покупку нашъ джигитъ Алла-Шкуръ, оправляя на немъ мое сѣдло. „Ага атъ якши сахла“ (господинъ, береги хорошенько лошадь), говорилъ хозяинъ, поддерживая мое стремя (этотъ превосходный конь отслужилъ мнѣ всю текинскую кампанію, и одинъ выдержалъ сильную ординарскую ѣзду). Отъ Ташъ-Хауза мѣстность идетъ хорошо обработанными пашнями и садами еще около 7 верстъ, послѣ чего, перейдя черезъ заросшій камышами горько-соленый каналъ Дарьялыкъ, входитъ въ сыпучіе пески; здѣсь отрядъ дѣлалъ часовой привалъ. Отсюда до Мазарки-Ходжа-Кумбетъ идутъ пески, а начиная съ этого пункта, мѣстность проходитъ по пахатнымъ полямъ съ разбросанными зимовками туркменъ-іомудовъ. Сегодня мы ночуемъ не далеко отъ могилы Ходжа-Кумбетъ на арыкѣ Измукширъ. Не далеко отъ нашей стоянки разстилается ровное, какъ столъ, Чандырское поле. Здѣсь высланный изъ Хивы въ іюлѣ мѣсяцѣ 1873 года отрядъ генерала Головачева во время движенія въ ночь на 15-е іюля подвергся нападенію партіи въ нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ туркменъ. Нападеніе было отбито со страшнымъ урономъ для послѣднихъ, а весь день 15 іюля до самаго вечера генералъ Головачевъ продолжалъ преслѣдованіе; это пораженіе навело навсегда ужасъ на всѣхъ хивинскихъ туркменъ.

17-го ноября, рано утромъ, двигаемся на колодцы Чаглы; путь лежитъ между пашень, покрытыхъ сѣтью арыковъ, вокругъ—іомудскія кочевья; іомуды, также какъ и узбеки, се-

[1]) Происходящаго отъ арабской крови.

лятся отдѣльными курганчиками среди своихъ полей. Возлѣ кибитокъ виднѣются лошади, покрытыя бѣлыми попонами. Далѣе гигантскія развалины крѣпости Измукъ-Шира, построенной, какъ говорятъ, еще калмыками. Крѣпость стоитъ на высокой, искусственной насыпи и далеко виднѣется среди равнины.

На половинѣ пути къ колодцамъ пашни и проточная вода прекращаются. Отсюда путь идетъ мелкими песками, перемежающимися такирами. На колодцахъ Чаглы мы застали стоящій здѣсь съ ранней весны Сарыкамышскій отрядъ (2 роты, 2 сотни, 2 горныя орудія), прикрывающій работы ученой экспедиціи по изслѣдованію сухаго русла Аму-Дарьи. Ему досталась не легкая работа: все время двигались въ степи, рыли колодцы и укрѣпленія; люди загорѣли, какъ арабы, пооборвались и обносились, но выглядываютъ здоровыми молодцами. Весьма странно, почему здѣсь расположенъ отрядъ. Четыре колодца Чаглы маловодны, съ соленою водою; тогда какъ въ 5-ти верстахъ отсюда лежитъ большое прѣсное озеро Кызилъ-Чагалды, куда гонятъ на водопой отрядныхъ верблюдовъ. Наша кавалерія прошла прямо на озеро; а завтра и мы переходимъ туда же. Нѣкоторые предлагаютъ на картѣ къ колодцамъ Чаглы добавить: „въ 5-ти верстахъ отъ озера Кызилъ-Чагалды“. Къ нашему отряду здѣсь присоединилась стрѣлковая рота Агафонова. Мы привезли на нихъ все снаряженіе и ихъ вещи. За позднимъ временемъ Сарыкамышскій отрядъ расформировывается, а ученая экспедиція прекращаетъ свои дѣйствія до слѣдующей весны. Экспедиція обслѣдовала сарыкамышскую впадину и произвела рекогносцировку до Урта-Кую. Самъ начальникъ экспедиціи лично доѣзжалъ въ тарантасѣ до Черешлы. Относительно дальнѣйшихъ работъ въ данное время нельзя сказать ничего положительнаго ранѣе самой тщательной нивелировки мѣстности Узбоя (сухаго русла Аму), которая выяснитъ, существуетъ ли общій наклонъ мѣстности, необходимый для отвода рѣки по старому руслу въ Каспій. Генералъ Глуховской старается обводнить древній караванный путь отъ Чаглы на Урту-Кую, Игда и далѣе на Ахалъ и вырылъ колодцы до Гяуръ-Кала; дальнѣйшія же работы по обводненію пути и изслѣдованію стараго русла Аму будутъ возможны только тогда, когда Россія займетъ Ахалъ-Текинскій оазисъ и Мервъ, въ раіонѣ которыхъ лежитъ изслѣдуемая мѣстность. Сарыкамышцы при своемъ движеніи ожидали стычекъ съ туркменами, но судьба только разъ побаловала ихъ, пославъ въ награду имъ малень-

кій текинскій аламанъ, который наткнулся на казачій постъ и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, бросился бѣжать. Въ ожиданіи стычекъ, бывшій въ отрядѣ красивый полковникъ съ баками всегда и всюду возилъ за собою красный значекъ. По его свѣдѣніямъ, масса туркменъ стояла на Урту-Кую и Игдахъ, готовая обрушиться на Сарыкамышскій отрядъ. Шутники отряда разсказывали за фактъ, какъ одинъ начальникъ, двигаясь съ отрядомъ къ развалинамъ крѣпости, увидѣлъ издали ея стѣны, сплошь унизанныя черными шапками туркменъ и, подозрѣвая засаду, немедленно приказалъ атаковать дерзкаго врага, но тотъ не выдержалъ, закаркалъ и улетѣлъ.

Передъ нашимъ приходомъ генералъ Глуховской приказалъ снять всѣ посты съ попутныхъ колодцевъ до Гяуръ-Кала и командировалъ впередъ на Урта-Кую полковника Ковалевскаго съ летучею колонною (изъ 7-ми взводовъ казаковъ и 2-хъ конно-горныхъ орудій) для прикрытія ученыхъ работъ Свинцова и Гедройца, отправляющихся на Урта-Кую и Игды; причемъ предписалъ ему, какими бы то ни было средствами, доставить его письмо къ генералу Скобелеву въ отрядъ. Ковалевскій раздѣлилъ свою колонну на 3 эшелона и выступаетъ сегодня впередъ съ 70 казаками [1]). Здѣсь нашли мы Гротенгельма съ его тѣнью, Кошъ-Беги; благодаря старанію послѣдняго, нашъ отрядъ прошелъ ханство со всѣми удобствами. Кошъ-Беги останавливается на каждомъ бивуакѣ съ своими многочисленными махрами (приближенными) въ сторонкѣ и едва только присядетъ на коверъ выпить чашку чаю, какъ раздается повелительный зовъ начальника: „Кошъ-Беги! Кошъ-Беги!“ и высокій сановникъ хивинскаго ханства, въ атласномъ зеленомъ халатѣ и громаднѣйшей бараньей шапкѣ, летитъ стремглавъ, спотыкаясь, выслушивать волю Музафатъ-Хакима (Гротенгельма).

18-го ноября. Куропаткинъ съ ранняго утра лично повѣряетъ лаучей и въ заключеніе даритъ имъ 10 барановъ на угощеніе. Всѣ части закупаютъ здѣсь скотъ и барановъ. Въ полдень къ юртѣ Куропаткина подъѣхало 5 джигитовъ; одинъ изъ нихъ оказался посланный Скобелевымъ, переодѣтый Стеценко, съ письмомъ къ Куропаткину, въ сопровожденіи 4-хъ (шураханскихъ киргизъ) джигитовъ, служащихъ при Скобелевѣ; онъ выѣхалъ изъ Дузъ-Олума въ ночь на 31-е октября.

[1]) Впослѣдствіи Куропаткинъ вернулъ его съ Игды обратно, такъ какъ поѣздка въ оазисъ была противъ желаній генерала Кауфмана.

Стеценко и его спутники отправились оттуда переодѣтыми въ туркменскій костюмъ о дву-конь на отличныхъ текинскихъ скакунахъ, имѣя при себѣ бурдюки для воды, ячмень, продовольствіе и патроны. Проводники его долго блуждали; отъ продолжительной ѣзды и изнуренія половина его лошадей пала; почему, бросивъ всѣ свои тяжести, онъ принужденъ былъ идти пѣшкомъ, таща въ поводу измученныхъ лошадей, причемъ вынесъ всѣ муки голода, жажды и утомленія. 9-го ноября Стеценко въ крайнемъ изнеможеніи остановился въ пескахъ, въ 20-ти верстахъ не доходя до колодцевъ Черешлы, не зная о ихъ существованіи и, вѣроятно, погибъ бы, еслибы совершенно случайно не встрѣтился здѣсь ночью съ 3 ротою 13-го баталіона (изъ Сарыкамышскаго отряда), шедшею на Урта-Кую. Его накормили, напоили и направили на путь; онъ проѣхалъ въ Петро-Александровскъ и теперь нагналъ насъ, обратно онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нами. Стеценко симпатичный молодой человѣкъ, ходитъ въ халатѣ, который не идетъ къ его безбородому юному лицу, а его свѣтлые волосы и глаза сразу обличаютъ въ немъ европейца (за свою отважную поѣздку Стеценко впослѣдствіи получилъ св. Георгія 4-й степени). Къ 12 часамъ нашъ отрядъ перешелъ на озеро; вода въ немъ совершенно прѣсная и очень вкусная; вокругъ—обильный кормъ для верблюдовъ и много топлива; по берегамъ растетъ камышъ. Здѣсь мы окончательно снаряжаемся на походъ черезъ пустыню Кара-Кумъ. Турсуки и бочата налиты водою и распредѣлены по частямъ. Хивинскіе мастера спѣшно зашиваютъ старые турсуки и обильно смазываютъ саломъ снаружи новые, вода въ которыхъ въ первое время имѣетъ непріятный вкусъ и отзывается кожею. Начальникъ отряда взялъ еще нѣсколько новыхъ проводниковъ, между которыми выдѣляется замѣчательный туркменъ имралинецъ, Джума-Ніязъ, главный проводникъ нашего отряда; онъ хорошо знаетъ пути въ Ахалъ и лежащіе по нимъ колодцы. Это чрезвычайно представительный и красивый туркменъ, на прекрасной сѣрой лошади, держитъ себя съ большимъ достоинствомъ; глубокій сабельный шрамъ на лицѣ свидѣтельствуетъ, что ему хорошо знакомы аламаны. Зная по опыту, что въ пустынѣ все зависитъ отъ проводниковъ, Куропаткинъ платитъ очень большое содержаніе, и за каждый пройденный участокъ пути, сверхъ платы, даетъ еще денежныя награды; продовольствіе ихъ вполнѣ обезпечено; они получаютъ натурою полный

солдатскій раціонъ, воду и ячмень [1]). Возлѣ реданта рабочіе тюкуютъ вещи и привязываютъ ихъ для болѣе удобной вьючки къ лѣсенкамъ [2]). Благодаря этому приспособленію вьючка и развьючка происходитъ быстро; верблюда кладутъ на землю, и нѣсколько человѣкъ, поднявъ сразу лѣсенку съ привязанными къ ней тюками, быстро накладываютъ или снимаютъ съ сѣдла вьюкъ, а верблюдъ идетъ немедленно пастись. Равномѣрно распредѣленная тяжесть и хорошо пригнанный вьюкъ не набиваетъ животному спину, не третъ бока, и самая вьючка для солдатъ не требуетъ особеннаго искусства, пріобрѣтаемаго лишь долголѣтнею практикою номадовъ. У юрты Куропаткина на корточкахъ дожидаются джигиты и проводники; стоятъ нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. Дежурный урядникъ по очереди пускаетъ ихъ въ кибитку. Возлѣ юломеекъ сотенные и ротные командиры осматриваютъ снаряженіе и вьюки, дежурные и фельдфебеля дѣлаютъ наряды и выкликаютъ рабочихъ. Между тѣмъ, быстро темнѣетъ. Въ большой штабной юртѣ, служащей столовой, пріемной и гостиной, откинутъ верхъ; 2 фонаря, привязанные къ керегамъ [3]), освѣщаютъ внутренность кибитки; на постланныхъ кошмахъ и коврахъ расположились ея обитатели. Всѣ заняты: одинъ озабоченно строчитъ что-то спѣшное, двое играютъ въ шахматы, другой, лежа на животѣ, старательно вырисовываетъ какіе-то кроки и по временамъ отдаляя отъ себя листъ бумаги къ свѣчкѣ, любуется на свою работу; охотники насыпаютъ свои патроны; двое спятъ, прикрывшись бурками, на коврѣ. Посреди кибитки, возлѣ тлѣющихъ углей, стоитъ большой мѣдный чайникъ, разбросаны мѣшки съ сахаромъ, сухарями и нѣсколько китайскихъ чашекъ. Въ полуверстѣ отъ отряда, на берегу озера, расположились подъ открытымъ небомъ проводники; на землѣ разложены кошмы, бурки и курджуны; возлѣ стоятъ покрытыя попонами и привязанныя за ногу лошади. Группа туркменъ сидитъ вокругъ огня, яркое пламя лижетъ чугунный котелъ и освѣщаетъ бронзовыя лица

---

[1]) Верблюдовожатые получаютъ только солдатскій паекъ и воду.

[2]) Такъ называются двѣ березовыя рамы съ перекладинами, напоминающія собою лѣсенку въ видѣ буквы А; верхніе концы рамъ крѣпко связываются между собою, послѣ чего къ каждой рамѣ привязываютъ упакованные тюки, распредѣляя равномѣрно грузъ вьюка по обѣимъ сторонамъ лѣсенки (какъ, напримѣръ, котлы, ящики. патроны, инструментъ, кошмы и т. д.).

[3]) Рѣшетка кибитокъ.

собесѣдниковъ, слушающихъ съ напряженнымъ вниманіемъ бакши (пѣвца-трубадура). Пѣвецъ поетъ высокимъ гнусливымъ голосомъ, акомпанируя себѣ на дутарѣ (инструментъ въ родѣ балалайки). Переходя по рукамъ, клокочетъ и хрипитъ кальянъ; всѣ молчатъ и лишь изрѣдка, въ чувствительныхъ мѣстахъ, поощряютъ пѣвца гортанными восклицаніями: Гмъ! гимъ! ай баракала!.. (одобреніе), послѣ чего пѣвецъ, воодушевляясь, забирается еще выше и громче.

Но вотъ заиграли зорю, и утомленный лагерь засыпаетъ, чтобы набраться силъ на предстоящій впереди трудный путь.

III.

Рано утромъ 21 ноября съ ночлега у озеръ, Куропаткинъ выступилъ съ 2-мя сотнями и ракетнымъ взводомъ впередъ, на колодцы Казылъ-Ча-Куюсы, съ пѣхотою-же, которая отсюда идетъ отдѣльно вслѣдъ за нами, мы соединимся только на Урта-Кую. Вчерашній дождь образовалъ по дорогѣ громадныя лужи и цѣлыя озера воды. Пронизывающій до костей холодный вѣтеръ сбивалъ съ ногъ животныхъ,—спотыкаясь по замерзшимъ лужамъ и утопая въ грязи, верблюды скользили, падали и развьючивались на каждомъ шагу, задерживая наше движеніе.

Подтянувъ обозъ, пришлось оставить его ночевать съ прикрытіемъ на половинѣ дороги въ степи, такъ какъ было поздно. Сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 60 верстъ, поздно вечеромъ кавалерія пришла на колодцы Казымъ-Ча-Куюсы.

Голодные и измученные, дрожащіе отъ холода, завернувшись въ бурки, всѣ сбились въ кучу на кошмѣ въ маленькой дырявой юломейкѣ, уступленной нашему штабу казачьими офицерами здѣшняго поста.

Лично мнѣ не пришлось спать, такъ какъ я былъ дежурнымъ и провелъ всю ночь на лошади, повѣряя и осматривая посты. Завтра дѣлаемъ здѣсь дневку и будемъ ждать обозъ.

Едва забрезжилъ свѣтъ утра 22-го ноября, какъ казаки уже были на ногахъ и кипятили свои чайники у ярко пылающихъ костровъ.

Посланный въ обозъ казакъ привезъ извѣстіе, что онъ будетъ на колодцахъ не раньше 4-хъ часовъ по полудни; изъ обоза на лошадяхъ успѣли подвести барановъ и котлы, и уже

готовили пищу, попробовавъ которую, Куропаткинъ выдалъ денежную премію уральцамъ, у которыхъ борщъ былъ раньше готовъ и вкуснѣе чѣмъ у оренбургцевъ.

Потомки московскихъ стрѣльцовъ и разнаго вольнаго люда, когда-то заброшенные на Уралъ, уральцы въ теченіе вѣковъ, живя на рубежѣ бокъ о бокъ съ номадами, ведя съ ними непрестанную войну и производя малые и большіе степные набѣги, усвоили себѣ ихъ привычки и сноровки и сдѣлались незамѣнимыми въ степныхъ походахъ. Уралецъ въ пустынѣ все равно, что матросъ на кораблѣ; его плотный конь маштакъ вмѣщаетъ на себѣ все его легкое походное хозяйство, плотно привязанное и притороченное опытною умѣлою рукою. Въ его переметныхъ сумахъ найдутся: чай, сахаръ, мука, кишмишъ, кусокъ бараньяго сала и лишняя торба ячменя, подобранная имъ у зазѣвавшагося оренбургца.

Необходимую принадлежность каждаго уральца-казака составляетъ всюду ему сопутствующій старообрядческій мѣдный складень-образокъ, который онъ вѣшаетъ, молясь, на луку сѣдла, рѣшетку кибитки или колышекъ палатки. Большая сотенная икона въ кожаномъ чахлѣ, везется черезъ плечо бородатымъ казакомъ, который исправляетъ должность начетчика, за что онъ пользуется льготою и службы не несетъ. Начальство въ походѣ особенно любитъ имѣть при себѣ уральцевъ; развитые, умные и смышленые отъ природы, они весьма скоро изучаютъ характеръ, наклонности, привычки каждаго начальника и впослѣдствіи становятся для него положительною необходимостью, никто не умѣетъ лучше ихъ ловко и быстро подать и принять лошадь, разостлать бурку, приготовить чай и закуску, причемъ въ большинствѣ случаевъ бутылки съ водкою, отданныя на сохраненіе сынамъ Урала, всегда оказываются пролитыми или разбитыми.

Едва успѣютъ уральцы на привалахъ и ночлегахъ сойти съ своихъ маштаковъ и привязать ихъ къ желѣзнымъ приколамъ, какъ ужь черезъ нѣсколько минутъ у нихъ кипятъ чайники, согрѣтые какою-нибудь травкой или кизякомъ.

Въ то время, когда другія части ѣдятъ въ походѣ только сухари, уральцы неизвѣстно откуда жарятъ пшеничныя лепешки и блинцы, раздразнивая аппетитъ всего отряда, никто лучше уральца не можетъ на глазахъ у всѣхъ украсть барана и корову, и, мгновенно зарѣзавъ ее, зарыть тутъ же внутренности въ землю, или же по ошибкѣ снять съ чужой лошади

торбу и пересыпать ее въ свою, зная, что лошадь этого никому не скажетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они очень гордятся своимъ происхожденіемъ и считаютъ себя умнѣе и выше всѣхъ на свѣтѣ; въ словахъ уральца, когда онъ говоритъ съ вами, всегда проскальзываетъ нѣкоторая иронія и сарказмъ, приправленные ихъ природнымъ юморомъ. Нашъ дивизіонеръ чистокровный уралецъ, тяжеловатъ, любитъ удобства и комфортъ, его всегда сопровождаетъ свита изъ казаковъ, везущихъ его бурку, закуску, чайникъ, подушку и бинокль.

При каждой остановкѣ плутоватый приказный, перекрещенный киргизъ, Лукинъ, скатываясь кубаремъ съ своей лошади, мигомъ разстилаетъ бурку и подкладываетъ своему властелину подъ бокъ подушку, поднося при этомъ соотвѣтствующія закуски и питье. Лукинъ занимается ботаникой и потому часто отстаетъ; тогда гнѣвъ дивизіонера разражается на немъ какъ ураганъ; отъ головы и до хвоста колонны разносится громкій крикъ: „послать приказнаго Лукина“. „Какъ шмѣлъ отшгать! а? Ты знаешь, я напримѣръ шолнче, а ты тѣнь, и долженъ быть поштоянно вожлѣ меня“, грозно говоритъ ему разсерженный начальникъ. Обладая обширною памятью и недюжинными способностями, дивизіонеръ отлично знаетъ военную исторію и на выдержку декламируетъ цѣлыя поэмы, а когда онъ разойдется, его исполненные юмора разсказы оживляли бывало не разъ однообразіе нашей походной жизни.

Противуположность уральцамъ составляютъ оренбургцы, хотя они хорошіе служаки, но опытности и сноровки уральцевъ у нихъ нѣтъ, большинство изъ нихъ крестьяне-пахари, давно переименованные въ казаки, имъ негдѣ было воспитать въ себѣ ту широкую самобытность, какою отличаются уральцы, и, кромѣ того, вся жизнь ихъ сложилась при совершенно другихъ условіяхъ. Молодые оренбургцы по неопытности очень часто теряютъ въ обозѣ свой ячмень, кошмы и другія мелочи, которыя уральцы подбираютъ и навьючиваютъ на свои вьюки...

25-ти верстный переходъ по пологимъ барханамъ и ровнымъ такирамъ привелъ насъ къ развалинамъ крѣпости Шахъ-Санемъ, возлѣ которыхъ лежатъ два неглубокіе колодца съ противно горько-соленою водою; благодѣтельныя лужи на такирахъ напоили насъ и нашихъ животныхъ, а воду въ баклагахъ берегли какъ зѣницу ока для предстоящихъ безводныхъ переходовъ. Верстахъ въ двухъ отъ колодцевъ лежатъ

развалины города и крѣпости Шахъ-Санемъ, построенной на насыпномъ холмѣ; стѣны ея полуразрушены, внутри развалины изъ жженаго кирпича, возлѣ стѣнъ лежитъ большое древнее кладбище и далеко вокругъ тянутся развалины древняго города.

До сихъ поръ хорошо еще сохранились слѣды городскихъ стѣнъ, караванъ-сараевъ, дворцовъ и пр. построекъ. Легенда гласитъ о жившей здѣсь когда-то прекрасной принцессѣ Хоразма, укрывшейся сюда со своимъ возлюбленнымъ отъ преслѣдованій разгнѣваннаго отца. По случаю своихъ именинъ, дивизіонеръ пригласилъ насъ на пирогъ, который былъ превкусный; какъ спекли его уральцы въ пустынѣ, это навсегда останется тайной кулинарнаго искусства.

24-го ноября мы выступили въ 7 часовъ утра; впереди насъ по обыкновенію идутъ туркмены-проводники, которые пользуются ровными, какъ паркетъ, такирами, чтобы поджигитовать, припуская въ карьеръ своихъ коней; нѣкоторые довольно ловко подбрасываютъ вверхъ и ловятъ свои винтовки на скаку; останавливая своихъ разскакавшихся коней, они никогда не осаживаютъ ихъ сразу, какъ прочіе номады, а дѣлаютъ постепенные вольты, переходя изъ большаго аллюра въ меньшій.

Было пасмурно и сыро, моросилъ мелкій дождь, окрестности тонули въ сѣрой дымкѣ, кое-гдѣ изъ-подъ накинутыхъ бурокъ и башлыковъ вспыхивалъ иногда огонекъ папиросъ, да дождь дробно постукивалъ въ спину всадниковъ. Время отъ времени Куропаткинъ припускаетъ своего сѣраго коня, за нимъ вьется красный значекъ и скачутъ вслѣдъ ординарцы и дежурство; обогнавши далеко сотни, Куропаткинъ по обыкновенію въѣзжаетъ на бугоръ, слѣзаетъ съ лошади и, поджидая сотни, пропускаетъ ихъ мимо себя; это постоянная и ежедневная его привычка видѣть всегда всѣ части на ходу.

Пройдя 30 верстъ по барханамъ и такирамъ, мы пришли на колодцы Гяуръ-Кала, возлѣ которыхъ нашли маленькій редутикъ съ прикрытымъ ходомъ къ колодцамъ, вода въ нихъ хотя и была годна для питья, но ея было такъ мало, что колодцы эти были бы для насъ совершенно безполезны, еслибы насъ не выручили опять дождевыя лужи на такирахъ.

Въ 3-хъ-4-хъ верстахъ отъ колодцевъ лежатъ развалины укрѣпленнаго города Гяуръ-Кала (крѣпость невѣрныхъ), отъ которыхъ и колодцы заимствовали свое названіе. Одинъ изъ проводниковъ привезъ намъ бѣлый корень въ видѣ моркови,

оставляющій во рту вкусъ воложскаго орѣха, по словамъ туркменъ, корни эти очень питательны и нерѣдко спасаютъ отъ голодной смерти блуждающихъ въ степи туркменъ. Такъ какъ завтра намъ предстоитъ начать тяжелый безводный переходъ около 120 верстъ до Урта-Кую, то Куропаткинъ лично самъ осматриваетъ очень подробно спины верблюдовъ и лошадей, бочки и турсуки съ запасною водою, сѣдла и арканы, оружіе и патроны. Одна бочка запасной воды у уральцевъ оказалась пустою; при чемъ бородатый сынъ Урала тщетно старался объяснить Куропаткину, какимъ образомъ вода ушла черезъ верхнее дно бочки, и увы! попалъ за это на часы. Едва забрежжилъ свѣтъ утра, какъ мы уже сидѣли на коняхъ; кругомъ пески и крупный саксаулъ, глухая мертвая пустыня; нѣсколько разъ по пути мы пересѣкаемъ рѣчныя русла, то спускаемся въ нихъ и идемъ по нимъ, то снова поднимаемся на верхъ и слѣдуемъ ихъ крутыми берегами! около 4-хъ часовъ пополудни вправо отъ насъ высоко поднимается надъ окрестностью гора Занги-Баба. Къ 5-ти часамъ мы расположились на привалъ, изъ запасной воды казаки варятъ себѣ чай и пищу, лошадямъ выдано по полведра воды; когда стемнѣло, запылали яркіе костры изъ саксаула, и казаки все время пѣли свои характерныя пѣсни. Нашъ проводникъ Джума-Ніязъ проскакалъ на своемъ великолѣпномъ конѣ нѣсколько верстъ впередъ, чтобы засвѣтло намѣтить по пескамъ слѣдами своей лошади нашъ предстоящій путь. Мы теперь вошли уже въ песчаный безбрежный океанъ, гдѣ память и глаза надежнаго проводника служатъ вмѣсто карты, на которой проходимыя нами мѣста изображены лишь сплошною желтой краской. Сбивъ въ густую колонну нашихъ верблюдовъ, мы тронулись впередъ, среди непроглядной темной ночи; чтобы не заблудиться заднимъ, Куропаткинъ приказалъ авангарду на всѣхъ встрѣчныхъ возвышенностяхъ раскладывать огромные костры; такъ шли всю ночь до 6-ти часовъ утра, когда остановились на привалъ. Черезъ 3 часа пришелъ обозъ, и люди изъ запасной воды начали готовить себѣ чай и пищу. Сегодня великій военный день, Георгіевскій праздникъ; Куропаткинъ обошелъ выстроенныя сотни и произвелъ парадъ, казаки стройно и отчетливо прошли церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего—высоко поднявъ чарку водки, начальникъ отряда предложилъ тостъ за драгоцѣнное здоровье старшаго царственнаго кавалера, державнаго русскаго Монарха, въ отвѣтъ ему, дружное и могучее

„ура!“ не переставая долго гремѣло среди безжизненныхъ песковъ. Кавалерамъ выдано по 6-ти рублей. Въ сотняхъ шло угощенье, а офицеры отправились поздравить Куропаткина.

Простой походный завтракъ на буркахъ и коврахъ, приправленный радушнымъ гостепріимствомъ нашего главы, сплотилъ сегодня еще болѣе нашу маленькую военную семью; отрѣзанные отъ міра, затерянные въ пескахъ на рубежѣ всевозможныхъ опасностей, всѣ вообще люди, а военные въ особенности, инстинктивно сплочиваются еще тѣснѣе, составляя одно общее крѣпкое тѣло, способное бороться противъ всѣхъ невзгодъ и опасностей военной жизни. Забывалось настоящее, и возлагались самыя теплыя надежды на будущее.

Верстахъ въ 6-ти отъ нашей остановки, среди глухой пустыни, одиноко возвышается странная постройка циклоповъ, въ видѣ огромной круглой башни.

Неизвѣстно, откуда и когда были взяты громадные тесанные камни, изъ которыхъ сложены стѣны этой башни, въ нее ведутъ ворота въ видѣ арки, а въ толщѣ стѣнъ устроены сводчатыя ниши. Этотъ странный замокъ называется *Діу-Кала* (крѣпость дивовъ). Туземныя легенды приписываютъ постройку этой крѣпости въ древности дивамъ—людоѣдамъ, похищавшимъ и таскавшимъ сюда людей. По близости Діу-Кала лежатъ два колодца Даудыръ съ соленою водою. Наступила темная непроглядная ночь, не остановившая нашего движенія; по-прежнему на возвышенностяхъ разводились яркіе костры, освѣщавшіе нашъ путь. Пройдя около 40 верстъ, остановились на ночлегъ въ глубокой балкѣ. Я и проводникъ Джума-Ніязъ проскакали верстъ на 10 впередъ, чтобы намѣтить путь на завтра, это правило строго соблюдалось Куропаткинымъ во избѣжаніе блужданія въ пескахъ и лежало всецѣло на дежурномъ ординарцѣ и главномъ проводникѣ.

Каждый изъ чиновъ нашего маленькаго штаба имѣлъ разъ на всегда строго опредѣленныя обязанности, подъ непосредственнымъ надзоромъ Куропаткина, требовавшаго всегда обо всемъ самаго обстоятельнаго доклада; помимо прямыхъ своихъ обязанностей, дежурный ординарецъ долженъ былъ осматривать всю ночь посты и черезъ каждый часъ докладывать начальнику отряда, который спалъ всегда одѣтымъ и вообще былъ очень чутокъ.

Въ 8—9 верстахъ отъ нашего вчерашняго ночлега лежатъ 5 колодцевъ Нефесъ-Куи, изъ которыхъ одинъ только съ со-

леною водою, а остальные всѣ засыпаны. Они замѣчательны тѣмъ, что ихъ посѣтилъ Скобелевъ, тогда еще подполковникъ генеральнаго штаба, во время своей знаменитой рекогносцировки пути отъ Измукшира до Урта-Кую.

Въ іюлѣ 1873 года, вскорѣ послѣ занятія столицы г. Хивы, послѣ только-что перенесенныхъ трудностей хивинскаго похода туркестанскими и кавказскими войсками, всеобщій интересъ возбуждалъ тотъ таинственный участокъ пути отъ Измукшира до Урта-Кую, который оставалось одолѣть вернувшемуся назадъ Маркозову. Скобелевъ отважно рѣшился изслѣдовать этотъ путь и вскорѣ послѣ Чандырскаго погрома, съ разрѣшенія Кауфмана, предпринялъ поѣзду отъ Измукшира до Урта-Кую, въ сопровожденіи двухъ переодѣтыхъ уральцевъ и Іомуда, проводника Нефесъ-Мергеня.

Передъ вечеромъ подъѣзжая къ колодцамъ Нефесъ-Куи, съ высоты сосѣдняго бархана Скобелевъ увидѣлъ колодцы занятыми туркменскими аулами, бѣжавшими сюда послѣ Чандырскаго погрома. Укрывшись въ сосѣдней балкѣ и умирая отъ жажды, онъ послалъ за водой на колодцы Нефесъ Мергеня, весьма ловко разыгравшаго роль заблудившагося путника, ему повѣрили и приняли какъ гостя; едва только стемнѣло, какъ Нефесъ-Мергень привезъ турсукъ воды своимъ умиравшимъ спутникамъ, когда же въ аулахъ всѣ заснули, Скобелевъ пріѣхалъ на колодцы и напоилъ своихъ коней, избавясь отъ опасности. Рекогносцировка эта выяснила, что Маркозовъ съ своимъ отрядомъ, растянутымъ на протяженіи почти 80 верстъ, не могъ пройдти этимъ путемъ къ Хивѣ въ 1873 году, и еслибы не вернулся, то погибъ бы навѣрное въ этихъ пескахъ. Это былъ еще первый примѣръ отважной рекогносцировки въ безводной пустынѣ подъ палящими лучами іюльскаго солнца, когда кромѣ всюду рыскавшаго непріятеля ежечасно грозила опасность погибнуть отъ голода и жажды.

Скобелевъ мужественно справился съ своей задачей и былъ за это достойно награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Но вотъ передъ нами на ровной площадкѣ между песчаными барханами открылись колодцы Урта-Кую, означающіе въ переводѣ „средніе колодцы“, такъ какъ они лежатъ какъ разъ на половинѣ пути между Кизилъ-Арватомъ и Хивою. Мы нашли здѣсь только одинъ колодезь съ водою, остальные же оказались засыпанными, осмотрѣвъ которые, Куропаткинъ немедленно приказалъ рыть новые и расчищать старые колодцы.

Работа эта требуетъ извѣстнаго навыка и своего рода искусства, для чего съ нами ѣхали нанятые еще въ хивинскомъ ханствѣ три хивинскіе колодезные мастера „кудукчи", которые сейчасъ же и принялись за это дѣло. Раздѣвшись до-нага, кудукчи спускается на дно колодца и, ловко расчищая его короткою лопаткою, быстро наполняетъ отвратительно вонючей грязью подаваемые ему съ верху на арканахъ ведра и мѣшки.

Очень часто, какъ оказалось и теперь, туркмены, уходя далѣе, чтобы испортить въ колодцахъ воду, набросали туда барановъ, собакъ и ишаковъ, и теперь все это нужно было вынимать и расчищать. Вынутая грязь и животныя, издающія отвратительный запахъ, не позволяютъ бѣдному кудукчи долго оставаться на днѣ колодца. Онъ часто выскакиваетъ на верхъ, вдохнетъ нѣсколько разъ въ себя чистый воздухъ, покуритъ кальянъ и вновь юркнетъ въ свою черную дыру.

Черезъ 3—4 часа лихорадочной работы, когда вся грязь удалена, онъ вычерпываетъ черную воду до тѣхъ поръ, пока она не станетъ свѣтлою и годною для питья. Въ одномъ изъ вновь вырытыхъ колодцевъ обрушившаяся сверху глыба земли засыпала глаза молодому оренбургцу-казаку. Чтобы подбодрить его, Куропаткинъ далъ ему 25 рублей, и черезъ три дня казакъ, оправившись отъ ушиба, былъ совсѣмъ здоровъ.

Все наше вниманіе теперь сосредоточено у колодцевъ, здѣсь бьется пульсъ отрядной жизни. Всѣ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдятъ за прибылью воды въ колодцахъ, возлѣ которыхъ лихорадочно кипитъ работа. 28—29 колодцевъ продолжали дѣятельно рыться, и вода все прибывала. Наша пѣхота, артиллерія и обозъ въ отличномъ порядкѣ, какъ на смотру, съ музыкою и пѣснями пришли въ Урта-Кую, встрѣченные начальникомъ отряда.

Все было какъ всегда. Щеголеватый маіоръ, парадируя мимо Куропаткина не безъ шика и съ нѣкоторой граціей, дѣлалъ свой заѣздъ; за пѣхотой шли построенные въ колонну верблюды, впереди которыхъ, покачиваясь на высокомъ, гнѣдомъ аргамакѣ, въ старенькомъ пальто, широчайшихъ навыпускъ желтыхъ шароварахъ и громадной папахѣ съ краснымъ верхомъ, важно подбоченясь, напоминая атамановъ временъ Стеньки Разина, ѣхалъ начальникъ верблюдовъ, ведя въ строгомъ порядкѣ свою верблюжью команду.

Съ приходомъ музыки и пѣхоты отрядъ нашъ значительно

оживился, всѣ радовались, благополучно одолѣвъ первый безводный переходъ, но самое трудное еще предстояло впереди.

Поднявшійся страшный вѣтеръ, утромъ 28 ноября, сорвалъ и далеко разметалъ по полю кошмы съ нашихъ юртъ и юломеекъ; всѣ вещи перепутались, и люди бѣгали по полю, гоняясь за своими пожитками, которые уносилъ бѣшеный вѣтеръ. Къ полудню онъ стихъ, и все пришло въ порядокъ.

Всѣ бочки и турсуки отряда были наполнены водою и лежали рядкомъ возлѣ колодцевъ. Куропаткинъ сдѣлалъ здѣсь настолько большой запасъ воды, что еслибы мы не встрѣтили ея вовсе въ колодцахъ Игды и далѣе до самаго оазиса, или же еслибы наши проводники случайно сбились съ пути, то, растянувъ имѣвшійся у насъ запасъ воды и расходуя ее крайне бережливо, онъ считалъ возможнымъ дойти съ этой водою до Кизилъ-Арвата.

Послѣ того, какъ налита была посуда, приступили къ пойлу верблюдовъ; самъ Куропаткинъ съ своимъ штабомъ лично слѣдилъ за тѣмъ, чтобы верблюды были напоены вдоволь, такъ какъ отъ этого зависѣлъ весь успѣхъ послѣдующихъ грозныхъ переходовъ.

Къ сожалѣнію, среди публики и даже очень интеллигентной, благодаря старымъ учебникамъ, существуетъ ложное понятіе о томъ, что верблюдъ по цѣлымъ недѣлямъ можетъ оставаться безъ воды.

Многочисленные опыты степныхъ походовъ, напротивъ, доказали, что верблюдъ весьма нѣжное животное, требующее заботливаго и внимательнаго ухода, знанія его привычекъ и натуры. Такъ напримѣръ, онъ, въ противуположность остальнымъ животнымъ, никогда не пьетъ сразу досыта, а понемногу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, при чемъ въ промежуткахъ гуляетъ и пасется. Обыкновенно же прежде у насъ, не зная этого, подводили верблюдовъ кучами къ колодцамъ и, давъ имъ немного попить, видя, что верблюды стоятъ, потряхивая головою въ раздумьи у колодцевъ, казаки и солдаты гнали ихъ прочь, думая, что они уже напились.

Во время слѣдующаго же перехода истощенные верблюды падали на каждомъ шагу, и дорогіе разнообразные вьюки приходилось бросать или сжигать въ пустынѣ. Движеніе отряда въ пустынѣ всецѣло должно сообразоваться съ силами верблюдовъ, которые хотя въ общемъ и могутъ пройдти много, но обязательно должны почаще кормиться и отдыхать, почему

мы и двигались также въ общемъ, какъ верблюжій караванъ. Туркмены-проводники всѣ разстоянія въ пустынѣ вслѣдствіе этого измѣряютъ *менгзилями*, означающими средній верблюжій переходъ, т. е. отъ остановки до остановки для отдыха и корма верблюдовъ.

П. КАЛИТИНЪ.

(*До слѣдующаго №*).

№ 141
168

Калитинъ.

ОПИСАНІЕ

пути, изслѣдованнаго поручикомъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона *Калитинымъ* между Ахалъ-текинскимъ и Хивинскимъ оазисами, изъ крѣпости Куня-геокъ-тепе до развалинъ крѣпости Змукширъ, черезъ колодцы: Мамедъ-діяръ, Дербентъ, Шейхъ, Лайлы и засыпанные колодцы Кызилъ-ча-куюсы и Чагылъ. Съ 7-го по 19-ое февраля 1881 года *).

Отъ крѣпости Куня-геокъ-тепе путь проходитъ по полямъ, между пологими барханами, поросшими кустами колючки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается вода, собранная въ маленькихъ арыкахъ. Черезъ три версты поля кончаются и путь выходитъ на кочковатое пространство, между пологими, песчаными барханами. Дорога ровная. Съ полу-пути мѣстность представляетъ барханы сыпучаго песка, между которыми проходитъ дорога, поднимаясь на нихъ и вновь спускаясь. Растительность до песковъ — рѣдкіе кусты колючки; по вступленіи-же въ пески встрѣчается въ достаточномъ количествѣ саксаулъ и «*джузгунъ*» **). — Среди большаго *такира* ***) расположены колодцы Мергень. Ихъ четыре;

---

*) Описаніе, съ приложенной къ нему маршрутной съемкой, обязательно сообщены Императорскому Русскому Географическому Обществу дѣйствительнымъ членомъ Общества А. Н. Куропаткинымъ.

**) Джузгунъ (на киргизскомъ нарѣчіи)—кустарное растеніе, весьма хрупкое.

***) Такирами называются твердыя, ровныя, глинистыя площади, находящіяся между песками; они драгоцѣнны въ здѣшнихъ пустыняхъ тѣмъ, что послѣ дождя вода держится на ихъ поверхности отъ двухъ до трехъ сутокъ.

СпБ, 1881

глубиною они въ 8 сажень, слой воды около аршина, вкусъ воды горькосоленый, ѣдкій; лошади и бараны пьютъ ее только по нуждѣ. Приблизительно колодцы Мергень находятся отъ Куня-геокъ-тепе въ 37 верстахъ *). Минуя колодцы, дорога проходитъ по барханамъ сыпучаго песка, поросшаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саксауломъ и «*черке*» **); встрѣчается также сухой ковыль (*селеу*), растущій кустарниками на кочкахъ. По пути встрѣчаются у самой дороги колодцы «*Катты-готъ*» съ негодною для питья водою.

Далѣе слѣдуютъ большой такиръ и колодцы *Илекъ-салешъ*. Надъ ними высится массивная гряда изъ наносныхъ, голыхъ сыпучихъ песковъ съ отдѣльными вершинами (Бійки). Высоты эти видны верстъ за 15 со стороны колодцевъ Мергень. Колодцы *Илекъ-салешъ* лежатъ на возвышенной песчаной площади, ниже которой находится котловина съ солончаковымъ дномъ. Колодцевъ на верху четыре и пятый внизу, при спускѣ въ котловину. Глубины они всѣ въ 8 сажень, слой воды—$1^1/_4$ аршина, вода солоноватая и отзывается затхлостью, но въ пищѣ и чаѣ вполнѣ пригодная къ употребленію. Колодцы внутри выложены саксауломъ.

Начиная съ колодцевъ Илекъ-салешъ, путь все время пролегаетъ по увалamъ сыпучаго, глубокаго песка; частые спуски и подъемы; дорога весьма трудно проходима, не только для верблюдовъ, но даже и для лошадей; она видна ясно только на твердыхъ мѣстахъ, попадающихся кое-гдѣ, изрѣдка между песками. Пески состоятъ изъ бархановъ и увaловъ самой разнообразной формы и величины; мѣстность пересѣченная, и дорога почти все время идетъ закрыто, по подножьямъ увaловъ.

Начиная съ полу-пути отъ колодцевъ топливо (саксаулъ) встрѣчается въ изобиліи.

На большомъ красноватомъ такирѣ расположены три колодца «*Утыкъ*». Глубина ихъ 12 сажень, слой воды приблизительно $1^1/_4$ аршина, вода горькосоленая, пригодная только для пойла верблюдовъ и барановъ. Слѣдующій затѣмъ колодезь «*Джакынъ*» глубины—9 сажень, обложенъ саксауломъ, многоводенъ, но вода пригодна только для пойла скота.

---

*) При прокладкѣ описываемаго маршрута на карту, обнаружилось, что всѣ разстоянія, данныя г. Калитинымъ, болѣе истинныхъ почти на $^1/_3$.

Ред.

**) Черке — родъ саксаула.

ПУБЛ. БИБЛ имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р. Ф. 21-24139.

Начиная съ колодцевъ *Утыкъ*, мѣстность до колодцевъ Мамедъ-діяръ состоитъ изъ пологихъ песчаныхъ возвышенностей; песокъ здѣсь менѣе сыпучь и скрѣпленъ кустарниками.

На обширномъ такирѣ «*Маметъ-діяръ*» кладбище и колодцы числомъ—4, глубиною 10 сажень; слой воды 1 аршинъ, вода на вкусъ слегка солоноватая, а въ лѣвомъ крайнемъ колодцѣ отдаетъ немного затхлостью. По показаніямъ жителей, если расчистить землю на днѣ, то слой воды по поясъ средняго роста человѣка. Внутренность колодцевъ выложена саксауломъ. Съ юго-западной и сѣверо-восточной сторонъ такиръ обставленъ барханами сыпучаго песка, круто спускающимися къ такиру. Песокъ ярко желтаго цвѣта.

Дорога на Дербентъ сворачиваетъ отсюда на сѣверо-западъ, а почти прямо на сѣверо-востокъ идетъ другая на Кызилъ-сакалъ и Мурза-чули *). Отъ Илекъ-салеша до Мамедъ-діяра не менѣе 40 верстъ, всего же отъ Куня-геокъ-тепе—111 верстъ.

Пройдя означенные колодцы, слѣдующіе за ними находятся въ $1^1/_2$ верстахъ вправо отъ дороги и на одной съ ними высотѣ, за барханами, на площадкѣ такира; это два колодца «*Караджи*». Глубина ихъ 12 сажень, воды $1^1/_2$ аршина, вода ѣдкая, горько-соленая; внутренность колодцевъ выложена саксауломъ.

Съ Маметъ-діяра до этого пункта мѣстность крайне пересѣченная, грунтъ—сыпучій песокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога переваливаетъ чрезъ высокіе бійки (кряжи) съ пологими спусками и подъемами.

При выходѣ съ Маметъ-діяра встрѣчаются по сторонамъ дороги двѣ—три кучи саксаула съ воткнутыми костями. Въ иныхъ мѣстахъ дороги, для опредѣленія направленія, расположены по сторонамъ, незамѣтно, кое-гдѣ кучи сухаго саксаула. Въ направленіи барханов замѣчается нѣкоторая правильность. Мѣстность представляетъ всхолмленную плоскую возвышенность, пересѣкаемую большими кряжами песка. По показаніямъ проводниковъ, влѣво отъ дороги, въ 8-ми верстахъ, посреди большаго краснаго такира, расположены два колодца «*Суюнъ-ую*», съ горько-соленою водою.

---

*) Давно засыпанный колодезь, лежащій на заброшенной старинной дорогѣ между Хивинскимъ ханствомъ и Ахалъ-текинскимъ оазисомъ. Путь этотъ, не смотря на то, что на картахъ нанесена крѣпость Мурза-чули, уже нѣсколько лѣтъ какъ не существуетъ, такъ какъ разстояніе между колодцами огромное они всѣ засыпаны.

Дорога далѣе очень трудно проходима вслѣдствіе глубокаго и сыпучаго песка, крутыхъ спусковъ и подъемовъ на барханы; песокъ такъ глубокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности на вершинахъ бархановъ, доходитъ до полколѣна лошади. Вездѣ встрѣчаются знаки и замѣтины изъ саксаула и костей, для обозначенія направленія пути. По большей части эти замѣтины расположены на вершинахъ возвышенностей. Во множествѣ попадаются кости павшихъ животныхъ. Какъ по дорогѣ, такъ и по барханамъ, встрѣчаются довольно часто твердыя, глиняныя обнаженія. Далѣе мѣстность значительно понижается и становится ровнѣе; дорога выходитъ на красный такиръ, обставленный съ лѣвой стороны высокими грядами желтаго песку, а черезъ $^1/_2$ версты отсюда, на обширномъ такирѣ расположены кладбище, могила св. Дербента и остатки постройки изъ кирпича. Съ сѣверо-восточной стороны такиръ окружаютъ полого спускающіяся высоты изъ желтаго песка, а средину его занимаютъ колодцы *Дербентъ*, числомъ четыре. Внутренность колодцевъ выложена саксауломъ; наружное отверстіе— квадратное въ $^3/_4$ аршина въ боку, глубина — 12 сажень 1 аршинъ, слой воды $^1/_2$ аршина. При расчисткѣ дна, по словамъ туземцевъ, вода бываетъ по поясъ средняго роста человѣка.— Вода на вкусъ совершенно прѣсная, очень чистая и прозрачная.

На всемъ протяженіи пути, между Маметъ-діяромъ и Дербентомъ, по части топлива встрѣчается: саксаулъ, куянъ-сіокъ (заячья кость), кандымъ (небольшое, пряморастущее деревцо изъ породы саксаула) и джузгунъ. Изъ травъ, по пескамъ растутъ кое гдѣ: рангъ, мелкая зеленая травка, и кусты ковыля «селеу». Разстояніе между Маметъ-діяромъ и Дербентомъ 75 верстъ.

Отсюда въ Хивинскій оазисъ существуютъ три дороги: 1-я прямо на сѣверо-востокъ, на колодцы Кызилъ-такиръ; 2-я восточнѣе, на колодцы Дамлы и 3-я на сѣверо-западъ, на колодцы Шейхъ, по которой я слѣдовалъ.

По выходѣ изъ Дербента, пройдя около 9 верстъ, среди такира встрѣчаются три или четыре давно засыпанныхъ колодца Кара-ащи.

Мѣстность, начиная съ колодцевъ Дербентъ, состоитъ изъ большихъ песчаныхъ, глубокихъ балокъ, пересѣченныхъ грядами. Дорога, оставаясь закрытою, круто поднимается и спускается все время по глубокому, вязкому, сыпучему песку, совершенно обнаженному въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Изрѣдка встрѣчаются красныя, твердыя обнаженія. Растительность таже, что и прежде; кормъ

въ видѣ ковыля и ранга, встрѣчается не вездѣ и то небольшими участками.

Вышину встрѣчаемыхъ отъ Дербента бархановъ и бійковъ (возвышенностей) можно считать не менѣе 30—40—50 сажень. На возвышенныхъ мѣстахъ сложены кое-гдѣ кучи саксаула. Далѣе на большомъ бѣловатомъ такирѣ встрѣчаются давно засыпанные колодцы Тандерлы. По показанію проводника, вода въ нихъ была прѣсная, при глубинѣ колодцевъ въ 10 сажень.

Мѣстность, крайне пересѣченная, состоитъ изъ большихъ нагроможденій въ видѣ бархановъ, связанныхъ между собою. Подъемы на бійки (кряжи) чрезвычайно затруднительны, вслѣдствіе глубокаго сыпучаго песка на ихъ вершинахъ; случается, что нога лошади уходитъ въ песокъ до колѣна. Слѣдующій затѣмъ, расположенный среди такира, колодезь «Уста-турды», давно засыпанъ.

За этимъ послѣднимъ колодцемъ мѣстность значительно начинаетъ подниматься. Дорога все время идетъ то глубоко закрытая, между высотами съ обѣихъ сторонъ, то открыто, взбираясь на бійки и кряжи. Въ низинахъ начинаютъ попадаться кое-гдѣ пятна такира (не доходя 6—7-ми верстъ до колодцевъ Шейхъ). Засимъ мѣстность значительно понижается и дорога идетъ ровнѣе; далѣе чрезъ $^1/_2$ часа встрѣчается ровное открытое мѣсто, обставленное песчаными барханами; вдали на право, верстахъ въ 8—9-ти, виднѣется цѣпь высокихъ, отдѣльныхъ холмовъ. Затѣмъ дорога выходитъ на большой такиръ, обставленный песками, по другую сторону котораго видѣнъ холмъ.

На такирѣ, въ лѣвой его сторонѣ, находятся могила св. *Шейха*, остатки разрушенной сакли и колодцы *Шейхъ*.—Колодцы вырыты въ песчано-глинистомъ грунтѣ, составляющемъ насыпь, устилающую площадку такира.

Колодцы расположены другъ отъ друга не далѣе 10—15—20-ти шаговъ. Ихъ всего 10; изъ нихъ съ водою—два, засыпанныхъ до верху—одинъ и семь полузасыпанныхъ, но могущихъ быть возстановленными безъ особаго труда. Колодцы съ водою имѣютъ въ діаметрѣ наружнаго отверстія $^3/_4$ аршина; ширина ихъ дна отъ 2 до $2^1/_2$ аршинъ, глубина 3 сажени. Внутренность колодцевъ выложена саксауломъ; слой воды, въ одномъ, многоводномъ, $2^1/_2$ аршина; другой колодезь, котораго внутренность значительно пообвалилась и засорила дно, имѣетъ слой воды только въ 1 аршинъ. Вода въ первомъ колодцѣ совершенно чистая, прозрачная и вкусная; во второмъ-же, хотя и прѣсная, но отдаетъ затхлостью отъ невычерпыванія. Вода

оставляетъ во рту легкій вкусъ сѣры, которая когда-то добывалась здѣсь во множествѣ, что видно по старымъ заброшеннымъ ямамъ, находящимся по близости отъ колодцевъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, какъ разсказываетъ проводникъ, эти десять колодцевъ настолько были многоводны, что могли сразу напоить 20 кӯра (стадъ) барановъ, считая въ курѣ отъ 300 до 600 головъ, и послѣ этого воды оставалось еще достаточно на остальныя потребности караванa. Давно не пившій баранъ, по разсказамъ кочевниковъ, выпиваетъ за разъ болѣе ведра. Если взять въ курѣ наименьшее число (т. е. 300) головъ и считать только по ведру на каждаго барана, то это составитъ 6000 ведеръ, взятыхъ сразу, которые 10 колодцевъ Шейхъ давали прежде безъ особеннаго истощенія.

На площадкѣ, гдѣ расположены колодцы, можно вырыть, безъ особаго для нихъ ущерба, еще четыре или пять колодцевъ.

Въ былое время колодцы Шейхъ служили границею между Хивинскими и Текинскими землями.

Пройдя отъ колодцевъ Шейхъ $2^1/_2$—3 версты по ровному такиру, дорога пересѣкаетъ старое русло *Чарджуй-дарьи*, которое здѣсь, на первый взглядъ, представляетъ изъ себя скорѣе озерную котловину, такъ какъ оно засыпано съ обоихъ береговъ песчаными носами въ видѣ плотинъ.

Русло, при пересѣченіи его дорогою, имѣетъ 300 сажень ширины. Лѣвый берегъ низменный, правый же нагорный и крутой, съ материковымъ основаніемъ. Дорога, пересѣкши русло, выходитъ на его правый берегъ возлѣ высокаго холма, съ высоты котораго видно, что въ этомъ мѣстѣ русло дѣлаетъ колѣно, идя съ востока, со стороны Чарджуя. Въ 7—8-ми верстахъ отсюда, вверхъ по теченію (къ сторонѣ Чарджуя), виднѣется гигантская цѣпь холмовъ—шихановъ, сопровождающая русло по обоимъ его берегамъ. Холмы эти на правомъ берегу переходятъ постепенно въ меньшія возвышенности и, наконецъ, вдали сливаются съ окружающею мѣстностью.

Миновавъ вышеупомянутый холмъ и пройдя правымъ берегомъ $^3/_4$ версты, дорога вновь спускается въ русло, которымъ идетъ всего около 23 верстъ. На этомъ протяженіи русло имѣетъ слѣдующій характеръ: берега его ясно обозначены; изъ нихъ лѣвый—низменный, а правый—нагорный. Ширина русла не превышаетъ 350 сажень и не менѣе 120 — 100 саж.; оно съужено въ тѣсныхъ мѣстахъ осыпями песковъ съ того или другаго берега (преимущественно съ лѣваго). Русло во многихъ мѣстахъ прегра-

дается массивными песчаными наносами, которые, спускаясь съ противоположныхъ береговъ, засыпаютъ его поперегъ, образуя цѣлыя плотины въ видѣ кряжей (такого рода наносы на мѣстномъ нарѣчіи называются кыры). Иногда эти загражденія достигаютъ значительной вышины, подымаясь нерѣдко до уровня праваго берега.

Поперечное засыпаніе русла можно наблюдать здѣсь не только въ фазисѣ полнаго его развитія, но и въ самомъ зародышѣ, когда пески спускаются съ береговъ сначала въ видѣ маленькихъ встрѣчныхъ грядокъ, обращенныхъ однѣ къ другимъ своими скатами. Вслѣдствіе описанныхъ заграждeній, въ иномъ мѣстѣ русло представляется издали какъ-бы окончившимся, и только поднявшись на такое загражденіе и вновь спустившись съ него, убѣждаешься въ томъ, что находишься въ прежнемъ руслѣ. Песчаныя массы преимущественно возвышаются надъ лѣвымъ берегомъ (низменнымъ); правый же берегъ, хотя и загроможденъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песками, но въ значительно меньшей степени.

Правый берегъ, имѣющій все время возвышенный, нагорный характеръ, приподнятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ видѣ разнообразныхъ шихановъ-холмовъ и цѣлаго ряда высотъ.

На верхнемъ краю сего берега, равно какъ и на сопровождающихъ его высотахъ, встрѣчаются обнаженія изъ известняка и твердаго краснаго песчанника.

Основаніе береговъ иногда состоитъ изъ слоевъ глины краснаго, бѣлаго, желтаго и синяго цвѣтовъ, а иногда изъ известняка и краснаго камня. Правый берегъ кое-гдѣ спускается обмывами, въ видѣ волнистыхъ увaловъ, изъ разнообразныхъ слоевъ глины, преимущественно бѣлой и желтой. Дно русла ровное, голое, безъ всякой растительности; мѣстами встрѣчаются такиры и участки красной глины, мѣстами — небольшіе участки солончака. Кое-гдѣ грунтъ состоитъ изъ твердаго песчанника, гальки и крупнаго бѣлаго булыжника. Въ иныхъ же мѣстахъ встрѣчается совершенно рѣчной грунтъ изъ гальки, крупнаго блестящаго песка и кремня. По дну же, во многихъ мѣстахъ, выступаетъ слюда. Песокъ дна заключаетъ въ себѣ очень часто много мелкихъ ракушекъ. Кое гдѣ по дну русла встрѣчается бѣлый камень, выходящій на поверхность дна въ видѣ большихъ плитъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дно русла углублено и, пройдя нѣкоторое время, вновь поднимается на его общій уровень; иногда же оно на очень короткомъ протяженіи приподнято въ видѣ небольшихъ каменистыхъ пороговъ.

Дорога, пройдя по описанному выше руслу съ пункта пересѣ-

ченія его около 23-хъ верстъ, поднимается у трехъ холмовъ нѣсколькими террасами на правый крутой каменистый берегъ, очень высоко приподнятый въ этомъ мѣстѣ въ видѣ длинной цѣпи продолговатыхъ холмовъ.

За подъемомъ дорога сворачиваетъ прямо на сѣверъ, оставляя за собою русло влѣво *). Пройдя первые 4, 5 верстъ по каменистому плато, составляющему въ этомъ мѣстѣ часть нагорнаго берега, дорога вновь вступаетъ въ сыпучіе пески. Отсюда до колодцевъ *Лайлы* встрѣчается рядъ озерныхъ котловинъ, иногда весьма глубокихъ, но не имѣющихъ вышеописаннаго характера русла рѣки.

Все протяженіе до названныхъ колодцевъ составляетъ наиболѣе трудную часть всего пройденнаго пути.

Часто приходится пересѣкать громадные кыры съ крутыми спусками и подъемами, прикрытые на гребняхъ своихъ голымъ, сыпучимъ пескомъ, доходящимъ до колѣнъ лошади и закрывающимъ верблюду ногу выше ступни до полуколѣна. Въ жаркое время года этотъ участокъ пути непроходимъ. Направленіе дороги обозначается только мѣстами въ пересѣкаемыхъ котловинахъ и въ озерныхъ впадинахъ. На гребняхъ-же песчаныхъ высотъ дорога узнается только благодаря знанію проводникомъ извѣстныхъ ему примѣтъ и по тѣмъ немногимъ кучамъ саксаула, которыя служатъ рѣдкими указателями пути. Саксаулъ растетъ по скатамъ песковъ. Въ котловинахъ же и впадинахъ встрѣчается только джусалъ (полынь кустиками) и иногда колючка. Ковыль попадается за все это время въ небольшомъ количествѣ только въ двухъ мѣстахъ. Вездѣ по дорогѣ и около нея видно множество костей павшихъ верблюдовъ, лошадей, барановъ и другаго скота, что свидѣтельствуетъ о трудности этого участка пути. Между костями въ двухъ мѣстахъ мы видѣли цѣлые человѣческіе скелеты и попадаются изрѣдка лежащіе черепа и отдѣльныя кости людей.

Верстъ за 10 до колодцевъ Лайлы мѣстность возвышается. Передъ самымъ выходомъ на колодцы приходится спускаться и подниматься послѣдовательно въ три глубокія озерныя котловины, лежащія недалеко другъ отъ друга. Въ концѣ послѣдней котловины, недалеко отъ противоположнаго ея берега, на такирѣ воз-

---

*) Русло это здѣшніе жители, Туркмены, называютъ не Дарьялыкомъ, какъ въ Хивинскомъ ханствѣ, а Чарджуй-дарьей, утверждая, что въ былое время Аму шла отъ Чарджуя и впадала въ море (Каспійское).

вышается высокій песчаный холмъ, на ровной площадкѣ изъ песчаной осыпи; здѣсь, у подножія холма, расположены колодцы *Лайлы*.

Наносная продолговатая площадка, съ расположенными на ней колодцами, имѣетъ въ поперечникѣ около 300 шаговъ. Всѣхъ колодцевъ на ней три: съ водою одинъ и засыпанныхъ два; 8 лѣтъ тому назадъ оба эти послѣдніе колодца были съ водою; теперь же они, засыпанные почти на глухо, имѣютъ видъ ямъ, глубиною аршина $1^1/_2$.—Вода на вкусъ немного солоновата и отъ малаго вычерпыванія даже отдаетъ затхлостью. Колодезь глубиною 4 сажени, слой воды въ немъ $1^1/_2$ аршина. Саксаульная обшивка внутри пообвалилась и колодезь засыпается пескомъ. На площадкѣ свободно можно вырыть болѣе 20 колодцевъ, расположивъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они не истощали другъ друга.

Вѣрнымъ признакомъ большого количества грунтовой воды въ данномъ мѣстѣ служитъ небольшое травянистое, кустарное растеніе «джантакъ», въ изобиліи растущее здѣсь на площадкѣ.

Отъ Шейха до колодцевъ Лайлы пройдено по маршруту 118 верстъ.

Съ колодцевъ Лайлы дорога, пройдя съ полъверсты по такиру, поднимается на гору и входитъ снова въ глубокіе пески; за ними опять начинаютъ попадаться такиры, перемежающіеся съ мелкими песками.—Пройдя около 40 верстъ отъ колодцевъ Лайлы, дорога снова входитъ въ большіе сыпучіе пески, пересѣченные огромными кырами. Въ этомъ мѣстѣ дорога весьма трудно проходима. Изрѣдка открывающіяся небольшія каменныя площадки мало облегчаютъ путь, такъ какъ, съ движеніемъ впередъ, пески становятся еще глубже, а кыры достигаютъ въ нѣкоторыхъ, наиболѣе высокихъ мѣстахъ не менѣе 100—120 сажень вышины, при крутыхъ подъемахъ и спускахъ. Направленіе кыровъ—сѣверо-восточное; они расположены преимущественно параллельно, при чемъ пространство между ними пересѣкается меньшими поперечными увалами, которые постоянно приходится переваливать. Эта часть пути представляетъ наибольшія трудности движенію на всемъ протяженіи отъ Геокъ-тепе до Кызилъ-ча-куюсы.

Далѣе у четырехъ холмовъ, съ кучками костей на ихъ вершинахъ, дорога выходитъ на болѣе ровную мѣстность, непрерывающуюся до колодцевъ Кызилъ-ча-куюсы. Тутъ-же начинаются такировыя пространства въ перемежку съ мелкими бугристыми пе-

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

сками, покрытыми кустами саксаула, джузгуна и джусана. Къ самымъ колодцамъ путь пролегаетъ по подобнымъ-же такирамъ.

Растительность за весь переходъ состоитъ изъ саксаула, джузгуна и колючки; изъ травъ, не доходя до колодцевъ 6—7-ми верстъ и нѣсколько вправо отъ дороги, находятся большія площади сухаго ковыля (селеу).

Колодцы Кызилъ-ча-куюсы (красные колодцы) лежатъ въ глубокой балкѣ, при входѣ въ которую расположено оставленное русское укрѣпленіе. Колодцевъ всѣхъ около 6-ти. Въ настоящее время ихъ никто не поддерживаетъ и они засыпаются пескомъ. Пройдя 2 версты отъ колодцевъ, путь выходитъ на большую Хивинскую дорогу, которая на право направляется на сѣверо-востокъ; на лѣво-же круто поворачиваетъ на юго-западъ по направленію къ Шахъ-сенему.

Самый большой, безводный, пройденный мною путь, отъ колодцевъ Лайлы до первой воды у крѣпости Змукширъ,—въ 192 версты, (считая отъ Лайлы до Кызилъ-ча 112 верстъ, отъ Кызилъ-ча до засыпанныхъ колодцевъ Чагылъ—55 верстъ и отъ сихъ послѣднихъ до крѣпости Змукширъ 25 верстъ).

Суммируя частныя разстоянія между крѣпостью Куня-геокъ-тепе и колодцами Кызилъ-ча-куюсы, мы получаемъ для опредѣленія всего разстоянія между означенными пунктами:

Отъ Куня-геокъ-тепе до колодцевъ Маметъ-діяръ .	111	верстъ
Отъ Маметъ-діяра до Дербента	75	»
Отъ Дербента до Шейха	118	»
Отъ Шейха до Лайлы.	118	»
Отъ Лайлы до колодца Кызылъ-ча-куюсы	112	»
Всего . . .	534	версты.

По словамъ всѣхъ туземцевъ, которые были мною опрошены какъ въ Ахалъ-текинскомъ оазисѣ, такъ и среди Туркменскаго населенія въ Хивинскомъ ханствѣ, дорога эта 50 лѣтъ тому назадъ служила бойкимъ караваннымъ путемъ между Ахалъ-текинскимъ и Хивинскимъ оазисами, но потомъ она была заброшена вслѣдствіе ея маловодности. Теперь по ней ѣздятъ небольшія партіи, не болѣе какъ въ 30 коней, одиночные люди и, изрѣдка по ней прогоняютъ небольшія стада барановъ на продажу въ Хиву.

Самый большой торговый караванъ, идущій изъ Хивы въ Ахалъ-текинскій оазисъ, никогда не превышаетъ 15 — 20 верблюдовъ, везущихъ самыя необходимыя принадлежности Турменскаго оби-

хода, въ родѣ халатовъ, кожъ, а также желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Такъ какъ въ Ахалъ-текинскомъ оазисѣ базаровъ не существуетъ, какъ въ прочихъ азіатскихъ странахъ, то Текинскіе купцы, пригоняя пройденною нами дорогою барановъ въ Хиву, сами вывозятъ оттуда вышеупомянутые предметы. Многіе Туркмены Ахалъ-текинскаго оазиса ѣздятъ сами по себѣ за своими нуждами на базаръ въ Хиву, куда когда-то привозили на продажу плѣнныхъ персіянъ.

По преданіямъ туземцевъ дорога эта была проложена въ первый разъ (вырыты колодцы) Надиръ-шахомъ, когда онъ шелъ въ Хиву, откуда раненный въ руку, въ единоборствѣ съ Хазретъ-полваномъ, онъ воротился домой, оставивъ подъ городомъ своихъ полководцевъ для продолженія осады. Этою дорогою шелъ онъ лично самъ, съ небольшимъ отрядомъ сопровождавшихъ его войскъ. Этою же дорогою изъ Геокъ-тепе была направлена на развѣдку партія въ 35 человѣкъ, которая напала на нашъ казачій пикетъ у колодцевъ Кызылъ-ча-куюсы, при чемъ, встрѣтивъ сопротивленіе, отступила, потерявъ убитыми двухъ человѣкъ.

Преслѣдовать ее были посланы джигиты туркмены-іомуды, которые имѣли схватку съ текинцами и потеряли при этомъ двухъ человѣкъ. Трупы этихъ двухъ погибшихъ я и видѣлъ между колодцами Дербентъ и Лайлы.

Движеніе по описанному пути возможно только раннею весною и зимою, когда сыпучіе пески болѣе уплотняются, вслѣдствіе влажности и холода. Колодезь Лайлы можетъ дать воды не болѣе, какъ на 40 коней, а колодецъ Шейхъ до 120 коней и людей. Въ особенности же трудно-проходима дорога эта для верблюдовъ, артиллеріи и войскъ всѣхъ родовъ оружія, вслѣдствіе сильно пересѣченной мѣстности и множества кыровъ и бійковъ съ весьма крутыми спусками и подъемами.

По разспросамъ туземцевъ, въ Хивинскій оазисъ, кромѣ вышеописанной дороги, существуютъ еще двѣ дороги, идущія съ колодцевъ Дербентъ: одна на Дамлы, другая на Кызилъ-такиръ, но обѣ онѣ крайне трудно проходимы, вслѣдствіе маловодности.

Дорога на Дамлы изъ Дербента: чрезъ 1 мезгиль *) колодцы *Гузъ*. Изъ нихъ съ водою одинъ, второй засыпанъ; глубина ко-

---

*) Верблюжій переходъ отъ 15 до 25 верстъ, совершаемый навьюченнымъ верблюдомъ, съ тяжелымъ вьюкомъ, безъ отдыха.

лодца 12 сажень; вода прѣсная, глубина слоя воды такая-же, какъ и въ Дербентѣ.

Слѣдующая вода черезъ 5 мезгилей, а именно колодцы *Дамлы*, числомъ отъ 4 до 5. Воды въ нихъ очень мало: глубина колодцевъ около 5 сажень; вода встрѣчается и хорошая и плохая, но во всякомъ случаѣ годная къ употребленію. Слѣдующая затѣмъ вода встрѣчается лишь черевъ 9 мезгилей; это прѣсное озеро «Дженгаджанъ» въ одномъ мезгилѣ отъ г. Хивы. Всего отъ Дербента до Хивы 16 мезгилей.

Дорога на Кызилъ-такиръ: съ Дербента до колодца Кызилъ-такиръ считается 5 мезгилей. Два колодца Кызилъ-Такиръ, глубиною въ 5 сажень, весьма многоводны, съ прѣсною водою. Болѣе воды на пути не встрѣчается, вплоть до Хивы, на протяженіи 12-ти мезгилей. Дорога эта, самая кратчайшая между Ахалъ-текинскимъ и Хивинскимъ оазисами, почти что никѣмъ не посѣщается, за исключеніемъ разбойничьихъ партій туркменъ, грабящихъ окраины Хивинскаго ханства.

Отдѣльно отпечатано изъ Извѣстій И. Р. Г. О. за 1881 годъ.

Типографія В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).